

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики
Институт всеобщей истории
Институт археологии

АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА

Карпато-балканский регион в диахронии

Предварительные материалы
к международному симпозиуму

Москва 1984

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики
Институт всеобщей истории
Институт археологии

АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА
Карпато-балканский регион в диахронии

Предварительные материалы
к международному симпозиуму

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

Москва 1984

Редакционная коллегия

С.Б.Бернштейн, Л.А.Гиндин, Е.С.Голубцова,
И.А.Калужская, В.Э.Орел

© Институт славяноведения и
балканистики АН СССР, 1984 г.

Тема пятого межинститутского симпозиума по античной балканистике (Москва, 17-20 апреля 1984 г.) охватывает всю диахроническую шкалу лингво-этнической истории карпато-балканского пространства от современности до древнейших времен. Это обусловлено тем обстоятельством, что достоверность реконструкции компонентов лингво-этнической картины карпато-балканского региона на разных хронологических срезах (доиндоевропейский, "автохтонный" индоевропейский, переживший в предславянский период эллинизацию и романизацию, и собственно славянский) в значительной мере зависит от степени совпадения результатов двух видов исследования: ретроспективного - от современного лингво-этнического состояния к древнему и проспективного - от древности к современному уровню. Если ретроспективный анализ применительно к языку осуществляется на основе этимологической методике в ее современном понимании, то проспективный, по справедливому замечанию Ф. де Соссюра, "сводится исключительно к критике источников" (Ф. де Соссюр. Труды ..., с. 248).

Как известно критика источников - это филологическая процедура, поэтому почти треть вынесенных на обсуждение материалов носит филологический или историко-филологический характер. Указанная черта вполне в духе времени, когда вновь стали придавать первостепенное значение филологической стороне текста, понимая последний как плоскость интеграции гетерогенных и гетерохронных элементов. В конечном счете комплексный подход (т.е. стремление к совмещению данных лингвистики, *resp.* филологии, археологии, истории и пр.), который присущ был и всем прежним симпозиумам по античной балканистике, во многом также вытекает из потребностей интерпретации текста, что и делает филологию комплексной наукой.

На симпозиуме специально поставлена проблема доиндоевропейских элементов в карпато-балканском регионе, в послевоенные годы незаслуженно оказавшаяся в тени.

Впервые на симпозиуме достаточно широко представлена проблематика языковых реликтов и культуры фракийцев. Помимо того, на обсуждение специалистов выносятся исследовательская программа "Этногенез фракийцев", подготовленная Я. Бестом к предстоящему в этом году IV Международному конгрессу по фракологии.

Ряд докладов касается актуальных проблем славянизации карпато-балканского пространства. Прочие материалы посвящены вопросам этимологии современных и древних балканских языков, дискуссионным проблемам прародин и миграций индоевропейцев, а также некоторым вопросам эпиграфики и дешифровки.

Л.А. Гиндин

ПРОБЛЕМА СЛАВЯНИЗАЦИИ БАЛКАН И ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

С.Б.Бернштейн (Москва)

1. Большой интерес славистов вызывает исследование И.Дуриданова, Л.А.Гиндина, С.А.Иванова и др., в которых в значительной степени по-новому ставится вопрос об этапах и путях древнейшей славянской колонизации Балканского п-ова. В них убедительно показывается, что движение славянских племен на юг от Дуная прошло ряд важных стадий, связанных с определенными областями. Самый древний и мощный поток славян на Балканы, вероятно, шел в р-не Верхней Мизии (долины р.Тимок, Ю.Морава и др.). В результате эти славяне заселили Верхнюю Мизию, значительную часть Дардании, Македонию, Фракию, среднюю и южную часть территории современной Албании, значительную часть Греции вплоть до Пелопоннеса. Вторая, более поздняя волна переселенцев шла через Нижнюю Мизию, вследствие чего славяне заселили Нижнюю Мизию, Хемус. Нет сомнений, что уже в тот период были некоторые отличия в языке славян, двигавшихся указанными двумя волнами.

2. Изучение современных болгарских диалектов методами лингвогеографии (Болгарский диалектологический атлас, специальные статьи и монографии, опубликованные в последние годы) дают основание полагать, что древнеболгарский язык членился на два основных диалекта, различия между которыми в существенно преобразованном виде отражаются в противопоставлении двух диалектных зон на территории нынешней Болгарии.

3. Сравнение данных современных болгарских диалектов и историко-лингвистических фактов дает возможность сравнительно точно установить границы между указанными выше колонизационными потоками славян, заселивших территорию нынешней Болгарии в пятом и шестом веках нашей эры.

НАРОДЫ КАРПАТО-ДУНАЙСКОГО РЕГИОНА В ВИЗАНТИЙСКИХ ТЕКСТАХ КОНЦА IX - XII вв.

М.В.Бибииков (Москва)

Основные свидетельства о древних народах Подунавья и Балкан в византийских источниках содержатся в сравнительно ограниченных - жанрово и тематически - памятниках. Это главным образом географические трактаты, опирающиеся на определенный круг античных авторов или византийские комментарии к последним. Наиболее подробные описания возникают в XII в. в условиях оживления инте-

реса к античным студиям и восходят непосредственно к тем или иным географическим представлениям. Со ссылками на Дионисия Перизгета, Страбона и Гомера в числе народов, населявших земли к северу и югу от Истра, упоминаются в это время **Γερμανοί, Σαρμάται, Γέται, Βαστάρναι, Δακῶν ... γῆ, Γέρραι.**

Ἄρξικια ἄσπεα, Παννόνιοι, Μυσοί, Θρᾶκες (Eust.Thess. Comm.Dion.; N.Bleemm.Geogr.). К Клавдию Птолемию восходит другое описание региона XII в.: **ἡ κάτω Μυσία** (включая **εἶθνη Τριβάλλων**), **ἄνω Μυσία (Θύγγρια), Γριμενθουρίται, Πενταδμήτται, Δαλματῶν γένη, Μακηδόνων χθῶν, Δάρδανοι, Θρᾶκη** (Tzetz.Hist.). Эти антиквизированные описания не восходят непосредственно к предшествующим им хронологически сочинениям аналогичного жанра X в. - эпохи византийского "энциклопедизма".

Этническая карта региона, реконструируемая на основе произведений X в., близка ранневизантийским или протовизантийским описаниям региона, однако подается в текстах как актуальный для эпохи материал. Сюда попадают "Ἀβαροί, отождествляемые с **Σκλάβοι (Σκλαβηνοί),** а также **εἶθνη Δελματίας, Σέρβιοι, Χρωβάτοι, Ζαχλοῦμοι, Τερβουნიῶται, Καναλιῖται, Διοκλητιανοί, Ἄρεντανοί, Παγανοί** (Const.Porph.Adm.) или названия стран: **Μακεδονία, Θρᾶκη, ἄνω Μυσία, Ἰλλυρίς, Γαλλίαι, Ταρακωνησία, Δαλματία, Μυσία κάτω, Δακία, Παννονία** (De sept.clim.,V). Исключение отчасти составляет Эпитоматор Страбона (**Ῥαιτοί, Οὐινδελικοί, Νωρικοί, Παννόνιοι οἱ ἄνω, Παννόνιοι οἱ κάτω, Σκωρδίσκοι**), не имеющих, однако, продолжения в сочинениях последующих периодов византийской книжности. Особую традицию этно-географических описаний этого времени составляют хроники, "воспроизводящие" библейскую географию в виде описания "наследия" (**κληρος**) сыновей Ноя (Petr.Alex.; Georg.mon.; Georg.Ham.; Theod.Mel.). Эта традиция также оказалась жанрово замкнутой, не получившей распространения вне данной конкретной группы связанных друг с другом текстов. Упоминания других древних этнонимов: **Βέσοι** (Cesaum.), **Ἰουθοῦγγοι** (Sud.), **Γοτθογραῖκοι** (Areth.) носят спорадический характер.

Количественно наиболее распространенными в X - XIII вв. этническими обозначениями населения региона являются, с одной стороны, античный термин, ставший собирательным и потерявший конкретное этническое значение, "скифы", и с другой, этнически конкретное имя "болгары". С первыми отождествляются болгары, вообще - "славяне", "тюрки" и авары, гунны, готы, печенеги, куманы (Camin.; Io.Geom.; Vita Euarest; Vita Luc.Jun.Steir.; Psell.; Carm.anon.; Epit.Strab.; Leon.Tact.XVIII; Carm.anon.; Leon.Probl.; Anna; Cinn.; N.Chon.), вторые же, напротив, употребляются как правило в своем прямом неантиквизированном значении.

Отдельную группу составляют описания "народа славян": **Σκλάβοι** или **Σκλαβη/ι-νοί** (Script.inc.A, B; Camin.; Arethas; Georg.mon.; Leo Gr.; Synax.eccl.; Io.Staur.), **Σθλαβίνοι** (Georg.Cont.; Georg.Vat.; Theod.Mel.; Ps.Sym.; Cedr.), **Σκλασηνοί** (Chron.Mon.), **Σθλάβοι** (Tzetz.Ep.). Дифференциация собиратель-

ного значения этнонима (среди славян выделяются различные племена), распространенная в текстах X - нач. XII в., затем и сам этноним постепенно исчезают из памятников в сер. XI - XII в.

"Фракийцы", "македонцы", "илирийцы" для рассматриваемого периода, как правило, не этнические наименования, а обозначения жителей соответствующих политико-адм. областей Византии.

Основные этнические характеристики региона восходят либо к протовизантийскому периоду: "гунны", "тюрки", "готы", "авары", "геты", "мисы", - либо являются актуальными, современными для анализируемых авторов именами: печенеги, узы, влахи, куманы.

Итак, при анализе данных византийских текстов, прежде всего, комментариев к античным авторам, о древних народах карпато-балканского региона следует учитывать определяющее значение не столько традиции античных источников, сколько культурно-исторического контекста, современной эпохе ее книжности. Им обуславливается во многом выбор свидетельств, этническая номенклатура, наконец, частотность упоминаний тех или иных этносов региона.

ИНДООЕВРОПЕЙСКОЕ И НЕИНДООЕВРОПЕЙСКОЕ В ГРЕЧЕСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В.А.Воробьев (Ленинград)

Медицинские знания греков можно проследить с микенской эпохи (табличка PY Un1314, возможно, содержит рецепт, см. R.Janko). Засвидетельствовано слово *i-ja-te* = *ἰατήρ*, но в целом лишь этимологический анализ позволяет вычленивать некоторые обозначения частей тела: *e-po-mi-jo* "плечевые пластины панциря" KN S 8100, свидетельствует, что было известно *ἄμος* "плечо" и т.д.

Более полно познания греков в медицине находят отражение в гомеровском эпосе. Сравнение анатомической лексики "Илиады" и "Одиссеи" и трактата *De locis in Homine* из *Corpus Hippocraticum* (CH) обнаруживает, что среди сотни слов две трети уже известны из Гомера, хотя не все они имеют ту терминологическую точность, которую приобретают у Гипократа. Из оставшейся части половина имеет параллели в архаической лирике и у Геродота, современника ранних трактатов CH (J.Irigoin).

Некоторые термины, не встречающиеся ни у Гомера, ни в литературе, предшествовавшей CH, могут получить объяснение в пределах ионийского диалекта, на котором писал Гипократ (M.Leumann). Отдельные черты языка CH могут восходить к живому диалекту Коса, например, употребление *λογί*.

С точки зрения происхождения лексика CH может быть разделена на и.-е. и неи.-е. Разумеется, такое деление не во всех случаях достаточно отчетливо. Происхождение отдельных медицинских терминов остается неопределенным: *ἄσθην, ἔνος* "железа", *τράχηλος* "шея", *γάγγραινα* "гангрена", которые Фурне относит к "догреческим", но все они имеют некоторые соответствия в и.-е. языках. *Ἄσθην* сопоставляется с лат. *inguen* < *ng^h-en- "пах, паховая опухоль" (F.de Saussure), привлекают также др.-исл. *þkk* "опухоль, припухлость" и *þkkwen* "опухший". Связь *γάγγ*-

γραίνα с γράω отмечали еще древние (см. P.Chantraine, Hj. Frisk). Τράχηλος, возможно, экспрессивное образование от τρέχω, τροχός (P.Chantraine).

Некоторые слова и.-е происхождения вызывают спор относительно их образования. Например, в композите ἐρυσίπελας, ατος с чисто медицинским значением "рожа, воспаление кожи" обьмно ἐρυσι- связывают с прилагательным ἐρυθρός "красный" (Hj.Frisk, O.Szemerényi). Неоправданной кажется поправка Фурне, предлагающего соотносить первую часть композита с ἐρώω "тянуть, тащить". Сам характер болезни, сопровождающейся покраснением кожи, говорит в пользу связи с ἐρυθρός. Ассибиляция θι- > σι- известна в микенское время.

В соответствии с понятиями совр. медицины лексика СН распадается на анатомическую, клиническую и фармацевтическую. Неи.-е. ("догреческая") лексика у Гипократа охватывает все основные разделы медицины.

1. Анатомические термины: σφόνδυλος "позвонок", σιηγών βνος "щека, челюсть", ὀσφύς, ὄος "бедро, поясница", κουλεός "перикард", σπογγοί "миндалины", μυελός "костный мозг", κοτίς "мозжечок", λαπάρη "бок", κύλα "впадина под глазами", κοτύλη "суставная впадина", φάρυγξ "горло, глотка", βλέννα "слизь, мокрота", λάπη "слизь, пена", σίελον "слина, синовиальная жидкость".

2. Клиническая лексика: δοθιήν "фурункул", κισρός "расширение вен, варикоз", ήπίαλος "озноб", λήθαργος "летаргия"

3. Лекарства и лекарственные растения: ἀμύγαλον "миндаль" ἀράχνη бот. Heraclеum sphondylium, σίδη "гранат", κάχρυ "плод ладана", κύπερος "купырь", ῥέφανος "редька, капуста", κίστος "вид розана", κώνειον "цикута" и др.

"Догреческим" медицинским терминам в СН можно противопоставить и.-е. по происхождению лексику: καρδίη < *k'rd-, и.-е. *k'erd- "сердце"; ήπαρ, ατος < *iēk^ur, *iēk^uptos, и.-е. nom. *iēk^ur(-t) "печень"; γόνυ, γόνατος, эп. γούνατος < *g'onu, *g'onuptos, и.-е. *g'en/*g'on-/*g'n-eu- "колени"; σπλήν, σπληνός "селезенка", а также σπλάγχνα "внутренние органы".

Характерно, что анатомическая лексика в СН имеет в основном и.-е. этимологию, за исключением наименований некоторых жидкостей в организме (βλέννα, λάπη, σίελον). Можно отметить, что словами и.-е. происхождения обозначены внешние органы, а также те внутренние органы, которые играли большую или меньшую роль при жертвоприношениях. Неи.-е. по происхождению лексика показывает внимание "догреческой" медицины к собственно строению и функционированию человеческого организма. Следует, кроме того, иметь в виду, что названия внутренних органов могли прийти через разные языки-посредники. Так, например, βρόγχος "горло, гортань, глотка" можно было бы сопоставить с φάρυγξ "горло, глотка", реконструируя для первого *g^urŋh- или *brŋh-, для второго *g^uhrŋh- или *bhrŋh-. Соответствие труднообъяснимо, но привлекает внимание метатеза прищкания в одной основе.

Л.Г.Герценберг (Ленинград)

1. Как известно, этимология арм. Astwac "бог, θεός" до сих пор является спорной, ни одно из многочисленных предлагавшихся решений не оказалось достаточно убедительным. В новом ракурсе данное слово встает, если искать в нем рефлекс и.-е. *diēus : *diuós; им окажется сегмент -tw-.

2. В этом случае необходимо принять членение As-tw-ac. Первый компонент легко отождествить с др.-инд. ásu(rah) "божество дух", др.-ск. óss "божество одного из разрядов, Ас", венет. ahsu = āsu "культовое изображение", а также, возможно, с хетт. ḫaššu- "царь". Последний компонент -ac имеет суффиксальный характер и восходит, по-видимому, к и.-е. *-sk'e/o- либо к и.-е. корню *iag'-, ср. др.-греч. αἴλος; др.-инд. yajati.

3. Аналогия данному сочетанию представлена, например, в древнеиндийском, ср. RV ásurah dévaḥ как обозначение одного из высших божеств - Варуны. Та же семантическая модель представлена в алб. Perëndi, ср. слав. Perunъ и *Diuos; близка к этому внутренняя форма фриг. Σαβάζιος < *Saça + *Dios.

4. Предполагаемой этимологией отрицается столь привлекательное в свете традиционно постулируемых армяно-фригийских связей прямое толкование арм. Astwac как продолжения фриг. Σαβάζιος. В то же время армянское слово предстает в качестве архаического и.-е. реликта, имеющего параллели в палеобалк. и др. ветвях.

К ГЕНЕЗИСУ ЯЗЫКА ДРЕВНИХ МАКЕДОНЦЕВ

Л.А.Гиндин (Москва)

Более века длится дискуссия о генетической принадлежности языка древних македонцев. Все это время исследователи стоят перед альтернативой: является ли он своеобразным греческим диалектом или самостоятельным древнебалканским языком? Мне кажется, что однозначное решение вступает в противоречие с историей Древней Македонии, где необходимо выделять два аспекта. Во-первых, надо иметь в виду этническую историю племени македонцев, исключительно рано оторвавшегося от протогреческого племенного континуума и, вопреки общему движению греческих племен к югу, осевшего в одном из районов центрально-северного региона. Во-вторых, это история занятой македонцами страны, лежащей в центре палеобалканского ареала, resp. переходной зоны и.-е. диалектов. Соответственно, язык древних македонцев следует рассматривать по крайней мере в двух аспектах - генетическом и ареальном. В первом случае этот язык предстает в качестве осколка древнейшего состояния протогреческих диалектов; отделение произошло до оглушения придыхательных и падения интервокального сибиланта -s- (θάνατος "смерть", Βίλιππος, Βέροια, κεβαλή "голова" и т.д.; ἄλιζα "белый тополь", ἰζέλα "пожелание удачи"). О том же свидетельствуют несколько др.-макед. слов, которые образуют изоглоссы с такими далеко

отстоящими друг от друга формами греческой речи как лаконский диалект и гомеровский эпический язык (*ἄγῆμα* "царская дружина", *ἑταῖρος* "член дружины", *ἀρῦσιπος* "орел"), В ареальном аспекте язык древних македонцев обнаруживает достоверные сближения с языками северных Балкан.

К ДРЕВНЕБАЛКАНО-БАЛТИЙСКИМ ЯЗЫКОВЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Л.А.Гиндин

Труды И.Дуриданова и В.Н.Топорова представляют новый этап в изучении древних языков Балкан, условно называемый ареально-этимологическим. Учитывая ономастический характер реликтовых языков Балкан, большой вклад в изучение этой проблематики могут внести данные албанского языка, являющегося в каких-то компонентах прямым наследником древнебалк. языкового состояния, а также румынского, содержащего определенное число субстратных дакийских слов. Однако факты этих современных языков могут использоваться только будучи доведены до определенного уровня реконструкции, не говоря уже о разграничении ареальных албано-балтийских схождений и праиндоевропейских изоглосс. Поэтому установление "палеобалкано(-албано-)-балто-славянских лексических встреч", предпринятое В.П.Нерознаком в докладе "Палеобалкано-балто-славянские языковые интерреляции" (см. тезисы в: Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. М., 1983, с.39-41) требует чрезвычайной тщательности и отработанного аппарата реконструкции. Между тем, указанные тезисы служат примером некорректного обращения с алб. и др. фактами в этой уже вполне разработанной области.

Ниже рассмотрены только изоглоссы, содержащие существенные фактические ошибки: 1/лит. *ketviřtas*, лтш. *ceturiřtais* (в тез. *setartais*), ст.-сл. ЧЕТВЕРТЬ, ср. др.-инд. *catrthāh* etc.; алб. *katërtë* включено ошибочно, т.к. *katër* "четыре" из лат. *quattuor* (Meyer 181), и.-е. *kʷe, i >* алб. *s, -të* - алб. формант порядк. числительных, как и в др. и.-е. языках; 2/лит. *mārgas* "пестрый" (в тез. "серый") - алб. *murgash* "темный"; сближение с последним ошибочно, поскольку это обратное заимствование из славянского через рум. посредство, ср. чеш. диал. *murgařa* с явно слав. суффиксом (Meyer 292), в то же время не приведена исходная алб. форма *murg*, обычно с натяжкой возводимая наряду с лит. и др. к ите. **mer(ə)gʷ-* (Pok. 734, Frenkel I, 410); 3/ лтш. *dēls* "сын" - алб. *djalë* "мальчик", *dal*, *del* "выходить, вырастать и пр."; соположение этимологически различных слов: если *djalë* (< **delo-* собств. "Spross") связано с *dal*, *del*, далее с греч. *θάλλω* "цвести", *θαλλός* "молодой побег, ветка", *θάλλος* "(юный) отпрыск" (Meyer 60, Frisk 650), то лтш. *dēls* = алб. *dele* "овца", лит. *dėlė* "пиявка", греч. *θηλυς* "женский" к и.-е. **dhē(i)-* "сосать, кормить грудью" (Meyer 63, Pok. 241); 4/ лтш. *kakls* "шея, горло" - пбалк. (Hes.) *κῶκκυξ* "τὸ βρυεὸν... λῆφος" - алб. *kokë*, *kokliçe* "вершина горы"; ошибочно все: *κῶκκυξ* "кукушка; вид

рыбы; шея, гребень", первоначально звукоподр., ср. мбхм̄ "крик кукушки", др.-инд. kokilá "кукушка" (Frisk I, 895); алб. kokë заимствовано из вульг. греч. κῶμα "чаша" через нар. лат. sauca, cosa, давнее и исп. cogote "затылок" (Meyer 165); о в kokliçe не м.б. исконным: алб. о < *ā, *ē; 5/ др.-пр. kalmus "палка" - фрак. σκῆλη - алб. shkallmë "меч" - лит. skaia "лучина" - слав. скала < и.-е. *skel-; правильный рефлекс и.-е. *ske/ol- в алб. - halë "рыбья кость" (Pok. 924), алб. shkallmë плохо засвидетельствовано и, видимо, заимствовано из греч. или фрак. (ср. Çabej - BUSG, 1962, №4, 131, 146); алб. çaj не из *skal-, но из *skel-; 6/ русск. скепать "расщеплять", щепа < пслав. skoip-, греч. σχοῖπος, σχοпов - алб. ther "скала" < *skeip-; ошибочны все примеры: скепать < р.-псл. *skoip-(scēp-), "но щепа...к *skep-" (Фасмер III, 638, IV, 502), греч. σχοῖπος (Hes.) "стропила, кровля" (а не "главная балка"), по аблауту закономерно - σκέπων "палка", σκόπων - измышление автора, повлекшее сопоставление с σκέπελος (Hes.) "скала, акрополь" < *skep- "резать", контаминировавшееся с σχοπέω (Frisk II, 737), алб. ther < *k'oip- (Pok. 543). Утверждение закл. части, что "поиски следов палеобалканской топонимии к востоку от Карпат не представляются перспективными" находится в противоречии с археологическими, историческими и языковыми фактами, достаточно упомянуть традиционные исследования о фракийцах в Северном Причерноморье.

ДРЕВНЕЙШИЕ БАЛКАНО-КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Р.В. Гордезиани (Тбилиси)

Исследователи древнейших культур и языков Средиземноморья уже давно обращают внимание на наличие параллелей между догреч. языками Балкан и картвельскими языками. Эти параллели обычно объяснялись гипотетическим средиземноморским единством или древнейшими контактами между данными регионами. В последнее время были выявлены факты языковых встреч между картв. и отдельными и.-е. языками, которые распространяются на территории Европы. Их интерпретировали, как правило, как свидетельство влияния и.-е. диалектов в процессе формирования картвельского.

Тщательный анализ этих параллелей, произведенный в последние годы, показал, что в целом ряде случаев следует говорить о наличии на Балканах и в ряде других регионов Европы явно выраженного картвельского элемента. Он, можно полагать, распространился в течение IV-II тыс. до н.э. за пределами Кавказа.

Особенно четко и регулярно выявляются картвелизмы в так наз. догреческом и пеласском языковом материале, как в лексике, так и в словообразовании, топонимии. Можно говорить и о системе звуковых соотношений. В наст. время количество этих параллелей в области лексики достигло 250. Ср. догреч. основу lar(i)-, которую можно интерпретировать как "тростник" и картв. *ler-çam "тростник"; догр. argila и сван. argi < мегр. argil- < груз. adgil; догр. χηραρός и груз. xram-i и т.д.

ФРАКИЙЦЫ В АРМЕНИИ

Г.Б.Джаукян (Ереван)

О проникновении фракийских племен в Малую Азию и сопредельные области известно давно. Но лишь в последние десятилетия исследователи стали серьезно заниматься вопросами истории фракийских племен на Армянском нагорье и даже за его пределами - на западе Иранского плоскогорья и на северо-западе Месопотамии.

В настоящее время представляется возможным выделить три основных этапа проникновения фракийских племен в пределы Армянского нагорья. Первый этап начинается еще в период существования Хеттского государства, в XV - XIII вв. до н.э., то есть гораздо раньше периода усиленного движения т.н. "народов моря". Этот этап связан с историей страны Хайаса, по единому мнению исследователей, сыгравшей важную роль в образовании армян и давшей им национальное название hay (мн.ч. hay-k^с; употребляется также как название Армении: Hayk^с). Второй этап связан с усиленным движением "народов моря" - в конце XIII и в начале XII в. до н.э., охватившим также фракийские и, по-видимому, армянские племена. Третий этап связан с движением киммерийцев в Урарту и сопредельные страны в VIII - VII вв. до н.э. Весьма вероятно, что в составе киммерийцев, наряду с ираноязычными племенами, были также фракоязычные племена.

В результате проникновения фракийских племен на Армянское нагорье и контактов фракийцев с народами, живущими на Армянском нагорье и в сопредельных областях, влияния одинакового субстрата и распространения одинаковых лексических изоглосс на Балканский полуостров, Малую Азию и Армянское нагорье наблюдаются, во-первых, значительное количество общих фракийско-хайасских, фракийско-урартских и фракийско-армянских собственных имен и характерных для них элементов и, во-вторых, явные фракизмы в урартском и армянском.

Среди трех с половиной десятков хайасских личных имен - топонимов, антропонимов и теонимов, имеется, как было показано нами в работах по хайасскому языку, значительное количество фракийских параллелей, часто разделяемых другими балканскими и малоазийскими языковыми ареалами (применяются следующие сокращения: НМ - название местности, ЛИ - личное имя, ИБ - имя божества): хайас.НМ Aripša - фрак. "Αρισβος(?); хайас.НМ Arnija - фрак. "Αρνι; хайас.НМ Arzija - фрак. "Αρζος (Arzos, Arsus); хайас.НМ Parraja - фрак. Βέρ(ρ)οια; хайас.НМ Qašmaha при НМ Qadma(?)ša (?) - фрак. Κάσμιλος(Κάδμιλος); хайас.НМ Gazū - фрак. Γάζα; хайас.НМ Pateu... - фрак. Patavissa; хайас.ЛИ Marija - фрак. Μαρ(υ)-, -μαρις.

В урарт. надписях встречаются как личные, так и нарицательные имена, не только имеющие фракийские параллели, но и являющиеся явными фракизмами: урартские заимствования или имена и названия, употребляемые местными фрагийцами. В этом отношении очень характерны, как было указано армянскими исследователями, переданные в урартских надписях названия стран, лежащих в

р-не Севанского оз.: KUR/IU(e)duri KUR^Etiu(hi)ni, где Ueduri явно и.-е. слово, видимо, параллельное известной глоссе βέδυ "вода", ср. топонимы Βέδυς, Βεδύνδια, Βεδύσιρος и имя царя страны Iganí, локализуемой в р-не Чалдырского оз., Diuzenis при фрак. Diuzenis, Diuzenes. В ассир. надписях IX в. до н.э. упомянут город Ispilibria с характерным фрак. -bria "город".

О древних армяно-фракийских контактах и наличии фракийских племен в Армении и сопредельных областях говорят не только исторические источники, но и языковые данные. Страбон упоминает за Арменией у гуранов и мидийцев фракийское племя σαραπάραι. Армянский историк X в. Ованес Драсханакертци, основываясь, по-видимому, на народных преданиях или на комментариях к Библии, считает Тираса, деда Гайка, легендарного прапродителя армян, предком фракийцев. Весьма характерны некоторые языковые данные. Название фракийского племени треров Τρηῆρες мы находим в названии района южнее Тбилиси - груз. Trialeti, арм. T^rreik^c; название племени Σκατοί - в арм. слове (h)skay "гигант, великан" (менее вероятно выведение этого слова из названия саков) и в личном имени Skayordi (ordi "сын"). Армянское мифическое имя Tork^c относится к известному названию хетт. бога Tarḫuna-, лув. Tarḫund- и под., но по форме ближе всего к фрак. личному имени Τόρκος; весьма вероятно предположить, что во второй части названия реки Devbed имеется фрак. название воды (реки), восходящее к и.-е. *ued-, ср. арм. get "река" и т.д.

К ЭТИМОЛОГИИ ДР.-ГРЕЧ. κρήνη "ИСТОЧНИК"

Ф.Елоева (Ленинград)

Др.-греч. атт. κρήνη, дор. арк. κρᾶνα, эол. κρᾶννα является одним из древнейших балканских обозначений источника, (ср. фрак. *γρᾶν(ι) - в Γρᾶνικος), вытеснившим в этой функции и.-е. термин *bhrēyur/*bhrunés: др.-греч. φρέαρ "колодец" относится уже к сфере человеческой деятельности.

Нет сомнений в этимологической связи κρήνη с другим др.-греч. обозначением источника - κροῦνός. Эти слова возводятся соответственно к и.-е. *k^rsnā и *krosnó-, близкое и.-е. *krosnā отражено в герм. *hraznō "волна", др.-сканд. hrōnn, др.-англ. hrōn, hōrn. Дальнейшие родственные связи и само соотношение восстанавливаемых и.-е. слов были до сих пор недостаточно ясны.

Между тем имеются основания для сопоставления данного слова с др.-инд. эпитетом Агни RV śīráḥ (NB śīrá-śociṣam agnīm "Агни с...пламенем"). Значение этого эпитета остается спорным, наиболее естественным представлялось бы значение "бурное, сильное пламя", ср. осет. pīllon art.

В таком случае налицо та же семантическая модель, что для др.-ирл. topur "источник" < и.-е. *to-od-bhoro- ~ др.-инд. jārbhurīti "колебаться (о пламени)", др.-англ. beorna "гореть", ср.-ирл. bruith "варить", др.-инд. bhūrṇiḥ "дикий, бурный"; ср. также словен. vír, vírek "родник", с.-хорв. врѐла вода "кипяток"

(возможно, сюда же следует отнести др.-греч. πῦρ, тох. В ruwar и др. "огонь" < *pe-цōr, с приставкой).

Тогда *kŕ-es- "источник", *kŕ-(ə)- "бурный" оказываются родственными др.-инд. śrapáyati "варить, жарить", д.-в.-н. hruoren "приводить в движение", осет. sārɥn "закалывать сталь", sārān "энергичный" и т.п. Особенного внимания заслуживает специфическая изоглосса - сохранение основы с суффиксом *-es-/-os- при значении "бурлящая вода" в греческом, германском и палеобалканском.

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУР ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ И ЛЕНДЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ V -IV ТЫС.ДО Н.Э.

Вяч.Вс.Иванов (Москва)

Открытие К.Ядзевским еще до второй мировой войны и заново исследованные в последние годы археологические культуры, памятники которых найдены в окрестностях г.Бжесть-Куявски (см. Богуцкий П., Грыгель Р. Древнейшие земледельцы Среднеевропейской равнины.- В мире науки, 1983, № 6, с.72-81), представляет исключительный интерес для изучения этнической карты древней Европы. Судя по археологическим реконструкциям, изделия из меди связывают эти культуры с более южными металлургич. центрами древнебалканских культур V - IV тыс.до н.э., предположительно соотносимых с народами, говорившими на диалектах прасеверокавказского языка (согласно реконструкциям С.А.Старостина, ср.Иванов В.В. Язык как средство реконструкции истории.- Природа, 1983, № 11). В этой связи особое внимание привлекает осуществленная на основе керамич. решетчатых изделий для отделения творога и сыра от сыворотки реконструкция типа хозяйства, перерабатывающего молочные продукты. Если (как полагают археологи) речь идет о развитии отгонно-пастбищного скотоводства, связанного с сырделием, то может быть поставлен вопрос о возможности сохранения в субстратной скотоводческой лексике карпатского ареала соответствующих терминов. Вместе с тем можно думать, что сходные условия (а возможно и часть этой же терминологии) позднее были воспроизведены при миграции скотоводческих племен, говоривших на северокавказских языках, к Кавказским горам, ср.в этом отношении показательное сходство таких терминов, как северо-вост.-кавк.(по Старостину) *ʔit_{ar}- "бродить, сворачивать" и слав.названия "творога" (в случае, если его позднейшая связь с глаголом "творить" является народной этимологией, основанной на романской модели, которую в данной связи исследовал Р.О.Якобсон, исследовавший этот термин как исходный для физического обозначения "кварка", через язык Джойса, восходящего к славянскому элементу в венском социальном диалекте).

Если культура скотоводов, с нагорий (в частности, карпатских) выгонявших скот летом в низинные пастбища, была продолжением древнейшей европейской традиции (на западном и южном побере-

жьях Европы и Средиземноморья в V - II тыс. до н.э., связанной с мегалитическими культурами, сооружавшими древнейшие каменные обсерватории в прибрежных точках, существенных для мореходства), то имело бы смысл изучение возможных следов на центрально-европейской территории этого времени таких терминов, как баск. (h)arri "камень" при субстратной основе баск. carrac "скала" (термин, как и *mal, в Европе имеет маргинальное распространение, ср. Tovar A. Die Indoeuropäisierung Westeuropas. Innsbruck, 1982, 19 - 21: карта). В первой части названия Карпат мог отразиться (в сложении?) этот же термин, имеющий, как и *mal-, широкий круг аналогий (в том числе ностратических).

При принятии намечаемой картины северокавказско-баскских (безусловно неиндоевропейских) параллелей к реконструируемым чертам лендельской культуры кажется возможным и обнаружение в хеттских строительных обрядах (в том числе и дошедших только в хеттском переложении, как KUB XXIV I +) точных аналогов таким особенностям, как строительство больших деревянных зданий со столбами и несущими балками и последующее шпукатурение деревянных стен (подобная техника, рано представленная в неолите Малой Азии, позднее могла распространиться в Европу). Возможно ли найти в предполагаемом периоде и истоки некоторых общевосточных строительных обрядов и мотивов, остается задачей для будущих исследований.

ПРОКОПИЙ О СЛАВЯНСКОМ "ОБРАЗЕ ЖИЗНИ": δίαίτα

С.А.Иванов (Москва ,

В экскурсе о славянах Прокопий пишет: δίαίταν δὲ σκληράν, τε καὶ ἀπλημελένην, ὡσπερ οἱ Μασσαγῆται, καὶ αὐτοὶ ἔχουσι (Войны, VII, 14, 28). Начерно это можно перевести так: "У них, как и у массагетов, образ жизни - суровый и неприхотливый". Что же такое для Прокопия δίαίτα? Если отбросить 4 контекста, где встречается омонимичное слово, означающее третейский суд, у историка можно насчитать 52 случая его употребления в значении образа жизни. Многие из этих мест представляют собой устойчивые сочетания: ἐς δίαίταν παρανομία "распутство" (Войны, I, 25, 3; 9; II, 23, 14; III, 3, 11; VII, 9, 21; VIII, 10, 8; 13, 14; 33, 2; Тайн. ист., 9, 44; это выражение впервые встречается у Фукидида); δίαίταν ἔχειν "находиться" (Войны, II, 19, 32; V, 1, 24; VIII, 27, 3; Тайн. ист., 17, 34; 23, 22; 26, 29; 27, 19; Постр., III, 6, 2); ἐν ταύτῃ διαίτῃ τρίβειν "жить" (Тайн. ист., 3, 11; 27; 5, 22) ἐν διαίτῃ χρῆν "жить" (Войны, I, 8, 14; VII, 28, 11). В ряде случаев δίαίτα оказывается образом жизни какого-то конкретного человека (Войны, I, 7, 33; V, 2, 6; 19; VI, 10, 10; Тайн. ист., I, 38; 5, 32; 7, 28; 10, 13; 15, 19; 16, 20; Постр., I, 9, 8). Образ жизни целого племени или социума описывается этим словом в 19 ситуациях. См. Войны, I, 3, 5; 9, 20; II, 10, 11; III, 22, 4; 28, 25; 26; VI, 6, 14; VII, 14, 34; 15, 23; VIII, 14, 28; 18, 8; VIII, 26, 13; Постр., I, 5, 2; III, 6, 7; 8; 10; IV,

2, 15; 5, 9; VI, 6, 15).

Как звучало для византийского читателя Прокопия сочетание σκληρά τε καὶ ἀπημελεμένη применительно к слову δίαιτα? В каком денотативном регистре его воспринимали? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно выяснить, какова сочетаемость нашего термина вообще и при описании "варваров", в частности. "Варварский" образ жизни казался ромеям диким и примитивным по сути - θηριώδης, ἀγριώτερος и т.п. (Войны, I, 3, 5; II, 10, 11; Постр. III, 6, 10; IV, 5, 9). Такие перемены, как, например, принятие христианства, могли лишь немного смягчить их нецивилизированность - ἐπὶ τὸ ἡμερώτερον μεταβαλεῖν (Войны, III, 6, 14; VI, 14, 34; Постр., 6, 7), однако эта перемена считалась поверхностной и ненадежной (Постр., III, 6, 8). Но, разумеется, не все чужеземцы в глазах Прокопия одинаковы: высшее место занимают персы, они почти равны ромеям; низшее - герулы, они вообще не люди. Каждый народ обладает в этой иерархии особым статусом. К гуннам, например, наш историк относится с отвращением (Войны, I, 3, 4-5; III, 12, 8; IV, 1, 9-10; 3, 7; Тайн. ист., 7, 10). Поскольку славянский образ жизни он сравнивает именно с гуннским (Массагетским), логично ожидать, что таково же его отношение к славянам, тем более, что дальше он говорит о них: "Они достаточно грязны". Однако парадоксальным образом слово σκληρός соседствует с термином δίαιτα всего в двух контекстах совсем другого рода: "Персы строги так, как никто другой, и во всем, что касается δίαιτα, очень σκληροὶ" (Войны, II, 28, 25); византийский полководец Иоанн "всегда имел δίαιταν σκληράν" (Войны, VI, 10, 10). Слово ἀπημελεμένος также встречается рядом с δίαιτα лишь при рассказе о византийских реалиях (Тайн. ист., 23, 22).

Такое словоупотребление дает некоторую возможность предположить, что славяне на этнической шкале Прокопия занимали место, приближающееся к персам.

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ ЧАСТЕЙ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА (ПО ДАННЫМ "ЧУДЕС СВ. ДИМИТРИЯ").

О.В.Иванова (Москва)

1. "Чудеса св. Димитрия" - единственный (и современный) источник по истории заселения славянами Македонии и Северной Греции. Восемь "рассказов" этого памятника содержат сведения о славянах и охватывают почти столетний период (с начала 80-х гг. VI в. до 80-х гг. VII в.), от первых появлений славян под Фессалоникой до установления политического господства славян в данном регионе и начального этапа византийской "реконквисты". Ценность уникальных сведений этого источника состоит и в том, что они позволяют проследить определенные этапы колонизации славянами земель империи указанного региона.

2. Анализ свидетельств источника позволяет заключить, что к началу третьей осады Фессалоники (615 г.) процесс расселения славян был в значительной степени завершен. А вскоре, види-

мо, определился и окончательный состав славянского населения в отдельных областях Македонии и Греции. Перечисленные в "Чудесах св.Димитрия" племена, осаждавшие Фессалонику в 615 и 618 гг., известны в Македонии и Греции и в последующие несколько столетий. Сохранение многими из них в местах новых поселений собственных племенных названий позволяет предположить, что переселение происходило отчасти целыми политическими объединениями - славиниями. Локализация основных славянских союзов племен в Македонии и Северной Греции в VI в. показывает, что для постоянных мест жительства славяне выбирали равнины, долины рек, прибрежные области, занимая, несомненно, лучшие сельскохозяйственные районы.

3. Рассказывая о событиях 70-х - 80-х гг. VI в. источник представляет славян как население, прочно обосновавшееся в этом регионе и наладившее свое хозяйство. Славяне в Македонии воспринимаются теперь византийским автором как живущие "на своей земле" (εἰς τὴν αὐτῶν χώραν). Значительные прогрессивные изменения в хозяйственной системе славянских народов, которые позволяет отметить источник, были обусловлены в определенной степени и непосредственными контактами с местными жителями - носителями более высокой материальной культуры. Результаты симбиоза с автохтонами проявились в заимствовании славянами производственных навыков возделывания некоторых культур, сельскохозяйственной техники и пр. Тесные контакты и торговые отношения установились у славян и с крупнейшим византийским городом - Фессалоникой. Однако нам представляются необоснованными утверждения о том, что к этому периоду относится начало процесса ассимиляции славян греками в Южной Македонии и Северной Греции. Славяне составляли основной демографический элемент региона, сохраняя самобытность своей материальной культуры и традиционный образ жизни и деятельности. В основной своей массе они оставались язычниками. Славянская знать в этот период еще ощущала себя достаточно сильной для захвата Фессалоники и даже установления своего господства на полуострове.

4. Начало политическому ослаблению славиний в Македонии положил разгром византийским войском стримонцев в 678 г. Результатом этого события было признание частью славян суверенитета империи. "Чудеса св.Димитрия" свидетельствуют о том, что в 80-х гг. VI в. другивиты, а, возможно, и другие славяне, уже стали налогоплательщиками Византии.

К ЭТИМОЛОГИИ ДР.-ГРЕЧ. ΒΡΕΨΩ

В.П.Казанскене (Ленинград)

Греческие этимологические словари (Фриск, Шантрен) отмечают, что греческий глагол βρέψω "погружать в воду, смачивать" не имеет этимологии. Сопоставление с βρόχος "петля" не было признано; не получило признания и сопоставление с лш. merguôt "идет мелкий дождь", русск. моросить.

Фонетические законы не препятствуют возвести βρέχω к корню *mreg(h)- (переход начального *mr- > βр- для греческого обмен, ср. греч. βροτός, лат. mortuus и проч.), и в таком случае греч. глагол сопоставим с лат. mergere "погружать в воду, окунать". В этом случае следует отказаться от старой этимологии, возводящей лат. глагол к корню *mesg- > *mezg- и сопоставляющей его с скр. majjati "погружать, опускать, смывать", а также лит. mazgóti "мыть, стирать". К такому отказу побуждают нас следующие соображения: а/ объяснение скр. majjati из *mezg- не единственно возможное; б/ для лит. примера следует предполагать семантический переход "мыть, стирать" < "множественно погружать в воду", что не засвидетельствовано; отказаться от сопоставления с эст. mðksma, морд. muškəms "стирать" и исключить возможность заимствования из финно-угорских языков; в/ переход лат. *sg > *zg > *rg вызывает сомнения: из исследования в исследование цитируется разбираемый пример, подкрепляемый еще vinga < *uisgā "ветка", словом с очень сомнительной этимологией. Поэтому нам кажется правомерным возводить лат. mergere (как и греч. βρέχω) к корню *mreg(h)-.

Также вряд ли правильно отказываться от сопоставления с балтийским и славянским материалом. К лтш. merguót следует добавить глагол mindzēt (нулевая ступень корня) "моросить" и лит. murgėti тж. Но эти слова несомненно родственны глаголам: лтш. mērkt, лит. mēĩkti "погружать в воду, промачивать" с широким кругом производных, семантика которых большей частью совпадает с семантической разветвленностью греч. βρέχω и лат. mergere: 1. а/ "погружать в воду или др. жидкость; промачивать", б/ "размачивать" - греч. βρεκτέον "долженствующее быть размоченным" (Hipp.), лат. mergere (uvae, farae) "размачивать (виноград, зерно)", лит. mēĩkti "размачивать лен", markùs "легко размачиваемый". Отсюда много дериватов для обозначения определенной пищи и питья: греч. βρεκτόν "старый хлеб, размоченный в воде" ~ лит. mĩrkė "куски хлеба, размачиваемые в воде"; βρέυμα "настойка" ~ лит. markýtinis "питье из размоченного солода" и проч. 2. "идет дождь", "дождь" - греч. βρέχει "идет сильный дождь" ~ лит. mēĩkia, mĩrkia тж.; греч. βροχή < *mregħā "проливной дождь" ~ лит. mĩrkā < *mĩrkā тж. 3. "заливаемая земля" - греч. τὰ βρεχέυτα πεδία (о наводнениях Нила), ср. лат. an meriserit agros Nilus, уĩ βρεχόμενη ~ лит. laukai mērkėja "вода стоит на полях". 4. "грязь, болото" - греч. βράχος ἕλος (Hes.), Шантрен, Фриск указывают, что слово не имеет этимологии) лит. mark-1-à "грязь, болото", ср. русск. мяреча "трясина". 5. "река" - греч. βράχεια, βράχη "мельководье, мель" (Шантрен считает это слово родственным βραχύς "короткий") ~ лит. mĩrk-n-is "русло реки", сюда же относятся названия рек Mēĩke, Merkūs и проч.

Столь большое сходство семантики сопоставляемых греч.,

лат. и балт. слов. не может быть случайным. Различие исхода корня (корень *merg(h)- в греч. и лат. и *merk(h)- в балт.) можно объяснить двумя способами: а/ в балт. языках довольно часто встречается замена глухих согласных звонкими и наоборот в словах с близким или тождественным значением: ср. лит. gaūgaras ~ kaukaras, geĩbti ~ keĩpti, vizgėti ~ viskėti и пр. В таком случае балт. формы от корня *merg(h) следовало бы считать исконными, а с корнем *merk(h)- — вторичными; б/однако балт. слова с корнем *merk(h)- имеют многочисленные соответствия не только в слав., но и в других и.-е. языках (см. Покорный с. 739-740; Френкель s.v. meĩkti): ср. напр., кимр., корн. brag "размоченное зерно, солод", галло-ром. *bracu (< *mraku-) "болото, топь", галл. embrecton "размоченный кусок", с.-н.-н. meren < *merhen "хлеб, погружаемый в вино, воду" и прочее.

Поэтому более вероятно, что для праи.-е. следует восстанавливать отсутствующий в словаре Покорного корень *mer- со значением "вода, влага". Этот корень впоследствии получил расширение -g(h) или -k(h)- в отдельных группах языков. Возможно, что этот корень выражал в частности идею "стоячей воды" и противопоставлялся засвидетельствованному почти во всех языках корню *sreu- обозначавшему "текущие воды".

ТРОЯНСКОЕ ПИСЬМО. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Н.Н.Казанский (Ленинград)

На выставке "Троя и Фракия", организованной Министерством культуры СССР, Министерством культуры ГДР и Комитетом по культуре НРБ весной 1983 г. в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина и в Эрмитаже, были представлены два сосуда из раскопок Г.Шлимана в Трое. Каталог выставки отмечает орнамент на тулове обоих, но очевидно, что орнамент, лишенный симметрии, отчетливо распадающийся на отдельные знаки, должен скорее рассматриваться как письмо. Вот приблизительные прорисовки этих орнаментов, сделанные прямо на выставке:

инв. № 2444

инв. № 2445

(По каталогу № 36 и № 41; фотографии до сих пор не опубли.)

Не трудно видеть, что часть знаков имеет соответствия в линейном письме В, например банальная последовательность $\text{+} \text{+} \text{+}$ на сосуде № 2444. Другие знаки на обоих сосудах напоминают знаки древнейшего европейского письма IV тыс. до н.э., ср.

Сосуды датированы слоями II-У, т.е. второй половиной III тыс. до н.э. и составляют как хронологически, так и по набору знаков, этап,

промежуточный между древнейшим европейским письмом и линейными письменностями Эгеиды.

ОБ ОДНОМ НАЗВАНИИ ВИНОГРАДА В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

И.А.Калужская (Москва)

В балканских языках, древних и современных, существует ряд сопоставимых названий винограда: др.-греч. $\rho\acute{\alpha}\xi$, $\rho\acute{\alpha}\gamma\acute{o}\varsigma$, ион. $\rho\acute{\omega}\xi$, $\rho\omega\gamma\acute{o}\varsigma$ "виноград, виноградная ягода", н.-греч. $\rho\acute{\omega}\gamma\alpha$, тж., др.-макед. $\rho\acute{\alpha}\mu\alpha\tau\alpha$ $\beta\omicron\sigma\tau\rho\acute{\upsilon}\chi\iota\alpha$, $\sigma\tau\alpha\phi\upsilon\lambda\acute{\iota}\varsigma$. $\mu\alpha\mu\epsilon\delta\acute{o}\nu\epsilon\varsigma$ (Hes.), лат. *racemus* "гроздь, кисть винограда" (иногда сюда же относят и лат. *frāgum* "клубника" - Ernout-Meillet), рум. *strugure* "гроздь, кисть винограда", алб. *rrush* "виноград; ягода".

Др.-греч. $\rho\acute{\alpha}\xi$ ($\rho\acute{\omega}\xi$) вместе с лат. *racemus* и др.-макед. $\rho\acute{\alpha}\mu\alpha\tau\alpha$ < * $\rho\alpha\chi\mu$ - обычно считают средиземноморским элементом (Meillet 1908, Ernout-Meillet, Frisk, Walde-Hofmann, Furnée), допуская в аналите реконструкцию *sr-* или *wr-* (Fick, Ernout-Meillet, Walde-Hofmann); и.-е. этимологии представляются малоубедительными, ср. Carnoy 1959 из * $\chi\text{erg-}$, * $\chi\text{reg-}$ "être plein de jus". Связь с лат. *frāgum* довольно спорна (Ernout-Meillet, Walde-Hofmann).

С данным кругом слов Вл.Георгиев сопоставил рум. *strugure*, объяснив его как дакийский элемент в румынском и реконструировав прототип * $sr\acute{a}g\text{-ulo-}$ с закономерным развитием *sr->str-* (ср. фрак. $\Sigma\tau\rho\upsilon\mu\acute{o}\nu$ из и.-е. * $sreu-$), переходом $\bar{a} >$ дак. o и на рум. почве $o >$ u (хотя последнее и нерегулярно, отдельные примеры подобного развития имеются, ср. рум. *spuză* "зола" < лат. *spodium*).

Алб. форма *rrush* была связана Ч.Чабеом с тем же др.-греч. $\rho\acute{\alpha}\xi$ и возведена им к основе * $ragus\text{-}$ или * $ragus\acute{i}\text{-}$, от которой, по его мнению, происходит и название города Ragusa (совр. Дубровник), в алб. передаче XVIII в. - Rush, Rushë. Последнее представляется труднодоказуемым, хотя и допустимым, ср. многочисленные "виноградные" топонимы в Средиземноморье ($\Delta\iota\lambda\lambda\acute{o}\varsigma$, $\beta\acute{o}\tau\rho\iota\varsigma$ и пр.). Гораздо существеннее для нас то, что эти разновременные засвидетельствованные формы, а также византийское название Рагузы - $\rho\alpha\upsilon\acute{o}\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$ и $\rho\alpha\upsilon\acute{o}\upsilon\sigma\eta$ (Konst.Porph.adm.imp., 29) с утратой интервокального *-g-*, подтверждают правильность реконструкции Чабея: * $ragus\acute{i}\text{-}$ > * $raús\text{-}$ > * $réús\text{-}$ > *rrush*. Объяснение формы $\rho\alpha\upsilon\acute{o}\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$, породившее в свое время много разнообразных допущений (Skok, Mayer), предполагает, скорее всего, некий ранний албанский источник или албанское посредство, поскольку из всех языков данного ареала выпадение взрывного в интервокальной позиции перед ударением имело место только в албанском. Временная фиксация $\rho\alpha\upsilon\acute{o}\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$, $\rho\alpha\upsilon\acute{o}\upsilon\sigma\eta$ под 614 г. дает нам основания для датировки этого процесса.

Сохранение начального *s-* в румынском позволяет реконструировать его в др.-греч. $\rho\acute{\alpha}\xi$ и алб. *rrush*, возводя их к праформе * $sr\acute{a}g\text{-}$, что лишний раз подтверждает рефлексацию *sr-* в албанском как *rr-*, ср. *rruthë* "струя, поток" от и.-е. корня

*sreu-. Лат. *racēmus*, видимо, имело особую судьбу, что Вл. Георгиев связывал с этрусским посредством.

Таким образом перед нами широко распространённое на Балканах в древности и сохранившееся до наших дней средиземноморское название винограда (ср. также итал. *racioppu* "кисть винограда, Hubschmid). Этот аппеллатив независимо проник в и.-е. языки данного региона, претерпев в них соответствующее фонетическое развитие и получив различное морфологическое оформление (рум.*-ulo-, алб.*-us(i)-, др.-макед.-ματ- < *mpt-?).

ПРОБЛЕМА "КАРПАТСКОЙ МИГРАЦИИ СЛАВЯН" В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Г.П.Клепикова (Москва)

1. Более 20 лет назад В.М.Иллич-Свитыч предложил новое объяснение (и хронологию) многочисленным фактам лексико-семантических схождений в некоторых севернославянских (карпатская зона) и южнославянских диалектах. Он связывал эти схождения с распространением славян в первой половине I тыс. н.э. из области прародины через Карпаты - на Балканский п-ов, что явилось важным этническим и языковым сдвигом, нарушившим прежнее соотношение частей древней Славии. Высказанные В.М.Илличем-Свитычем соображения о времени и условиях миграции славян, о методике изучения семантических процессов как результата этой миграции и прежде всего всемерный учет пространственной характеристики лексико-семантических единиц явились толчком к развертыванию интенсивных исследований крупного масштаба (ср., например, Карпатский диалектологический атлас. М., 1967, появление большого числа специальных статей, монографий).

2. Ведущаяся в настоящее время большим международным коллективом диалектологов работа над Общекарпатским диалектологическим атласом (ОКДА) дает основание утверждать, что собранный и обработанный материал 1-3 выпусков Атласа, помимо решения проблемы взаимодействий и интерференции в генетически гетерогенном диалектном континууме, позволяет на новом лингвогеографическом материале исследовать карпато-южнославянские связи в плане проверки и детализации идей В.М.Иллича-Свитыча.

В докладе подробно рассматривается семантика **kyselica* и **pr̥etati* и делается вывод, что синхронная картина, зафиксированная в ОКДА, может служить целям диахронического истолкования. Так, первая лексема демонстрирует семантическую специфику каждой из микрозон (карпатской и балканской), что может свидетельствовать как о более позднем и независимом развитии отдельных значений (ср. "вид похлебки" в славянских карпатских говорах, также близкое к нему, по данным ALR, "заправка из отрубей" - в румынских, с одной стороны, и "щавель", "дикая яблоня" - в сербских, болгарских и македонских говорах - с другой), так и об общих звеньях семантической структуры указанной лексемы (ср. "напиток, квас" - закарпатские, гуцульские : южносербские, "вид повидла" - закарпатские, гуцульские, буковин-

ские : восточносербские, ср. то же в молдавском). Изучение семантики второй лексемы показывает сложную филиацию в карпатской зоне, с одной стороны, исходного состояния - "прятать, скрывать", например, "хоронить", "убирать урожай", "убирать в доме" и под., (ср. продолжение этой тенденции на южнославянской территории - серб. диал. "накрывать что-либо пеглом с жаром"), а также развитие специфического для карпатского ареала значения "сбивать молоко" в закарпатских, гуцульских говорах.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАННЕГО КЕЛЬТСКОГО ОБЩЕСТВА

А.А.Королев (Москва)

1. Некоторые особенности раннего кельтского общества сохранены в свидетельствах античных авторов (Посейдоний, Цезарь), но наиболее полное описание социальной структуры дано в текстах древнеирландских законов (составление и редактирование - 6-7 вв. н.э., письменная фиксация в 8 в.). Можно, однако, с уверенностью сказать, что в этих законах отражен гораздо более ранний этап развития, чем даже в античных свидетельствах. Например, в Ирландии чеканка монеты введена впервые викингами в 10 в., тогда как у континентальных кельтов она отмечена в 4 в. до н.э. В ирландских законах ничто не соответствует так называемой культуре oppidorum, процветавшей на континенте во 2-1 вв. до н.э. Почти все элементы материальной культуры: оружие, украшения и т.п. - в древней Ирландии, как это отражено в законах, стадийно соответствуют континентальному позднему Галытатту и раннему Латену, т.е. 6-4 вв. до н.э. Чем же объясняется столь высокая степень "застойности" Ирландии? Когда Р.Коллингвуд и Дж.Майрс в своей "Римской Британии" сравнивают последнюю со "свалкой на краю океана, где все застаивается", то это в гораздо большей мере можно отнести к Ирландии до прихода туда христианства в 5-6 вв. н.э. Этот изоляционизм, в частности, можно объяснить тем фактом, что почти все внешние влияния достигали ее из кельтских источников, но сама она никогда не вступала в непосредственный контакт с динамичными цивилизациями Средиземноморья. Вторая же причина заключается в застывшем кастовом, в прямом значении, характере древнеирландского общества, с многочисленными аналогиями в обществе древней Индии. Кстати, К.Уоткинс недавно отмечал, что в некоторых отношениях древнеирландские законы более архаичны, чем законы древнехеттского царства.

2. В текстах этих законов словом Féne (pl. Féni) называются "свободные общинники, основная масса племени или народа; те, кто имеют исконно ирландское происхождение", а словом Fénechas - "традиционные обычаи фени, традиционное обычное право". Фразой ar-in-chain Fénechas "так поет Ф." всегда вводятся особо архаичные в лингвистическом отношении фрагменты текстов. Обычно все эти слова принято связывать с др.-ирл. fíán "отряд бродячих наемников; воины Финна (фени)". В свое

время М.О'Брайен возводил оба слова к *wēniī "воины" (корень *weik'-), а недавно Г.Вагнер связал их с др.-ирл.fén "повозка" и возвел к *weg'hnoi "воины на боевых колесницах" (корень *weg'h-). Однако в текстах семантически они четко разграничены; более того, fēne характерно именно для контекстов юридических или религиозных, а fían - для так наз. "королевского цикла". Безупречно с фонетической точки зрения fēne возводимо к общекельт. *weik'nijos (или же к нулевой ступени wik'nijos; результат будет одинаковым). В таком случае, это слово представляет собой относительное прилагательное к существительному *weik'- "поселение, жилище".

Естественно, напрашивается сопоставление с др.-инд.vaíśyas "член третьей касты". Семантическое соответствие вполне удовлетворительное: вайши в количественном отношении составляли основную массу "дваждырожденных". Морфологически деривация от *weik'- с помощью вриджки и суффикса -jo- соответствует кельтскому -ni-jo-. Лат.vicinus "соседний" и vicānus "житель села" в словообразовательном отношении далеки от др.-ирл. формы. Тогда предлагаемая этимология увеличит все возрастающее число родного рода специфических изоглосс между противоположными перифериями индоевропейского мира и подтвердит еще раз исключительно консервативный характер древнеирландского общества.

МИГРАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ И ПОДУНАВЬЕ В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Е.Е.Кузьмина (Москва)

1. При переселениях пришельцы обычно приносят в иную хозяйственно-географическую зону некоторые традиционные черты культуры, что иногда позволяет установить направление миграции. Эти данные существенны для определения переднеазиатской или европейской прародины индоевропейских народов.

2. Часть гончарной терминологии и некоторые ритуалы, связанные с сосудом, общиндоевропейские, что указывает на общность происхождения гончарных традиций.

3. Ведические тексты Индии запрещают использовать для жертвоприношений сосуды, сформованные на гончарном круге ремесленником-аборигеном и предписывают делать ритуальные сосуды самим ариям вручную, "как делали предки", обученные богиней-матерью Адити. Следовательно, у предков индоиранцев (и других индоевропейцев) керамика была лепной.

4. В III-II тыс. до н.э. сосуды лепились вручную в Центральной Европе, Подунавье и евразийской степи. В Передней же Азии, Иране и Индии посуда изготовлялась профессионалами-гончарами на круге.

5. Некоторые гончарные термины индоиранские. В Шатапатха-Брахмане и Черной Яджурведе описан специфический способ формовки сосуда ариями методом трехчастного кольцевого налепа с донным началом, этнографически засвидетельствованный у реликтовых индо- и ираноязычных групп населения в сев.-зап. Индии

(Сват, Читрал) и на Памире, а археологически известный у саков и савромат и в андроновской культуре II тыс. до н.э., что позволяет локализовать прародину индоиранцев в азиатской степи.

6. Термины и ритуалы, связанные с жилищем, общиндоевропейские и относятся к жилищу столбовой конструкции с двускатной коньковой крышей, этнографически известному в Европе.

7. В III-II тыс. до н.э. этот тип жилища был распространен в Центральной Европе, Подунавье и евразийской степи. В Передней Азии, Иране и Индии строились дома индо-переднеазиатского типа: глиняные, многокамерные, с плоской крышей и внутренним двором. Дома первого типа появились в Малой Азии только с приходом индоевропейцев: греков, лидийцев, фригийцев (в основном - в культовой архитектуре). Этнографически первый тип дома засвидетельствован в сев.-зап. Индии у брахманов и высших кастовых групп, возводящих свою родословную к ведическим ариям.

8. Некоторые строительные термины - индоиранские и относятся к большому заглубленному в землю жилищу столбовой конструкции с пирамидально-ступенчатым сводом. К этому типу принадлежит жилище богини Анахиты, описанное в Ардвисур яште Авесты. Этнографически этот тип дома засвидетельствован у реликтовых групп в Свате, Читрале, на Памире, а археологически - в срубной и андроновской культурах степей II тыс. до н.э., что позволяет локализовать прародину индоиранцев в степях.

9. Некоторые термины, связанные с одеждой - общеиранские, что указывает на общность происхождения костюма. Одежда ираноязычных кочевников - скифов и саков, а также земледельцев - бактрийцев, персов и др., однотипна (колпак, кафтан, штаны, сапоги, женская прическа с двумя косами) и сходна с костюмом фракийцев Подунавья. Колпаки носили также фригийцы и хетты. Этот костюм не имеет прототипов в Передней Азии, Иране и Бактрии. Колпаки и косы археологически известны в эпоху бронзы в Европе. Все детали костюма ираноязычных народов представлены в срубной и андроновской культурах, что позволяет локализовать их прародину в степях по соседству с фракийцами.

10. Итак, анализ традиционных этнически значимых категорий материальной культуры - гончарства, домостроительства, костюма - указывает на родство культуры предков индоиранцев и других индоевропейских народов и, главное, не на переднеазиатское, а на европейское происхождение этого культурного комплекса.

ПАННОНИЯ КАК ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ СЛАВЯНСКИХ МИГРАЦИЙ

Л.В.Куркина (Москва)

Современная славистика пересматривает традиционное положение о трехчленной структуре праславянского. Исследования последних лет (Г.Шустер-Шевц) не подтверждают идеи существования праязыка для каждой из славянских языковых групп и показывают, что формирование западной, восточной и южной групп - явление относительно позднее, результат многократного перераспределе-

ния диалектов под влиянием разных факторов лингвистического и экстралингвистического характера. В плане генетических исследований и шире - этногенеза славян стоит задача реконструкции древнейших диалектов и диалектных общностей, которые составили основу будущих славянских языковых групп. Оставляя в стороне проблему прародины славян, мы опираемся на положение о подвижности праславянского ареала (О.Н.Трубачев) и исходим из того, что диалект или диалектная общность, если и поддается реконструкции, то лишь для эпохи, непосредственно предшествующей расселению славян (VI-VII вв.). Как свидетельствуют исторические источники, последняя территория, занимаемая славянами накануне миграций, включала Паннонию, земли к югу от Карпат и прилегающие к ним области. Именно на этой территории в позднюю эпоху праславянского начинают складываться инновации, которые в эпоху активных славянских миграций углубили языковую дифференциацию и во многом определили структуру славянских языков.

Ретроспективный анализ позволяет выявить в пределах южнославянской языковой области диалекты и диалектные группы, сохраняющие свое значение для праславянской эпохи. Эти диалекты характеризует разная степень близости и, что не менее важно, разная соотношенность с диалектами северославянских языков. Наиболее определенно историческая непрерывность прослеживается для северо-западной группы диалектов, которая характеризуется некоторыми исследователями как "первое южнославянское языковое единство" (А.Белич). Генетические отношения этой группы диалектов определяются разными изоглоссами, и среди них особое место принадлежит изоглоссам с диалектами чешско-словацкой языковой области и болгаро-македонской диалектной зоной.

Ряд общих явлений объединяет южнославянские языки в целом с чешско-словацкой языковой группой и особенно с современными среднесловацкими диалектами, которые в средневековье занимали большую часть современной южной Словакии. Самым серьезного внимания заслуживают сепаратные изоглоссы, отличительно характеризующие среднесловацкий диалект и северо-западную область южных славян. В литературе отмечаются общие для этих языковых групп окончания: -mo в 1 л. мн.ч. наст.вр. и -ojo в тв.п. ед. основ на -ǎ и некоторые другие явления (см.: Popović. Geschichte I, §13-14; J.Stanislaw). Отдельные черты объединяют словацкий язык с чакавским диалектом: форма местоимения *čьso > ср.-словац. čo ~ чак. ča, преобразование ra > rǎ и другие (Popović. Geschichte, 40). Достаточно выразительные древние изоглоссы проходят через западную и восточную окраины южных славян и частично охватывают диалекты чешско-словацкой группы: 1/ тв.п. ед.ч. основ на -a в форме -ǝ > др.-чеш. -u, словен.-o, кайт. -o, -ǝ, чак. -u, диал. -u, ср. se^amnu, s tobu (Черногория) при ст.-слав. съ мноѡ; 2/ приставка vy- (ср. словен. диал. vilize, чак. vilezlo, ст.-слав. выстѣпити и т.д.), 3/ топонимы на -ince < -inъci.

Взаимосвязи указанных ареалов прослеживаются и на лексическом уровне. Наблюдаются лексические совпадения в словенском и

чешско-словацкой языковой группе (ср.*čilьjъ, *dъrbati, *dv - rьkъ, *glomozь, *cěsta, *gonobiti, *kъrgati, *o-тъka, *vorvor-, *žina - ЭССЯ; ВЯ № 3, 1981). Поддаются выделению изолексы, общие для словенского и болгарского языков (ср.*jъzkrъjъ, *žьld-, *vѣg-, *ko-naděti, *vozgrъ, *vьlgъkъ, *krin-/skrěn-, *rěs(k)-nъ, *ne-jęver- и т.д.). Требуют инвентаризации изолексы, которые объединяют западную и восточную окраины южных славян и частично захватывают чешско-словацкую область (ср.*gorazdъ, *drъkolъ, *trъs-, *molmolъ, *ob-volkъ, *zona, *setrati и т.п.).

Данные этнографии также свидетельствуют об общности некоторых элементов духовной и материальной культуры славян указанных ареалов (см. Гавацци, Братанич). Можно думать, что наблюдаемое сходство территориально удаленных диалектов не случайно, оно отражает генетическую и территориальную близость части западных и южных славян в праславянскую эпоху. Некоторые косвенные источники (ср. Баварский географ) дают основание для локализации племен южного и западного типа в Паннонии. Миграции славян, двигавшихся из Паннонии в северо-западном и юго-восточном направлении, разрушили первоначальную диалектную общность. Одним из подтверждений того, что заселение восточной части южно-славянской территории происходило не только с северо-востока, но и с северо-запада, являются обнаруженные на Пелопоннесе славянские топонимы не болгарского типа (ср. Малингудис).

К ВОПРОСУ О ФРАКИЙСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ КУЛЬТА ΘΕὸς Ὑψίστος

И.А. Левинская (Ленинград)

В науке высказывались три основных мнения о природе доминирующего религиозного влияния в синкретическом культе θεοῦ Ὑψίστου (θ.ῦ) : 1. Культ θ.ῦ. испытал влияние зарождающегося христианства (Новосадский, Бузескул, Кубланов). 2. Культ находился под влиянием иудаизма (Шюер, Кюмон, Надель, Гуденаф). 3. θ.ῦ. - это трансформация фрако-македонского Зевса-Сабазия (Жебелев, Ростовцев). Последняя точка зрения, в настоящее время интенсивно разрабатываемая Тачевой-Хитовой, как нам кажется, не находит достаточных оснований.

Култ θ.ῦ. , имевший почитателей в Египте, Греции, Малой Азии, Фракии, Северном Причерноморье, следует рассматривать как единый культ, хотя и имевший региональные особенности. Его не следует также ставить в генетическую зависимость от культа Зевса Высочайшего (Ζεὺς Ὑψίστος).

Рассматривая функционирование этого культа в Северном Причерноморье, Тачева-Хитова приходит к выводу, что он вырос из монотеизма массагетов на почве "фракизации боспорской религиозной жизни". К сообщению Геродота о монотеизме массагетов (Hdt., I, 212, 216) необходимо относиться с большой осторожностью. Это сообщение следует рассматривать не изолированно, а на фоне всех других случаев, когда Геродот приписывает варварам или монотеизм, или почитание строго определенного числа

божеств. Обследование параллельных мест показывает, что, учитывая уровень знания Геродотом чужой религиозной жизни, методически неправильно класть в основу концепции его сообщения о монотеизме массагетов, не привлекая никаких дополнительных источников. Не стоит преувеличивать также значение свидетельств о слиянии культа Сабазия и Саваофа (Val. Max. I, 3, 2; Plut. Quaest. conv., IV, 6; Lydus De mens. IV, 51), так как они исходят из некомпетентных источников и основаны на фонетической путанице и неверном истолковании ритуала. Надпись из Пирота (АЕМ, Ч, 1886, 238, № 2) также не подтверждает связи культа $\theta.\dot{\upsilon}.$ с культом Сабазия, так как $\Sigma\epsilon\beta\alpha\zeta\iota\alpha\nu\acute{\omicron}\varsigma$ представляет собой теофорное собственное имя.

Культе $\theta.\dot{\upsilon}.$, как нам кажется, генетически связан с иудаизмом, на что, в частности, указывает употребление в ряде надписей этого культа слова $\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta$, которое может означать только иудейскую молельню, а не языческий храм.

НАЧАЛЬНЫЕ И ВТОРИЧНЫЕ ОЧАГИ ИНДООЕРОПЕЙСКИХ МИГРАЦИЙ. ДАНИЕ ИСТОЧНИКОВ И ГИПОТЕЗЫ

Л.А.Лелеков (Москва)

1. Историческая реальность индоевропейских миграций на протяжении тысячелетий. Признаки этой реальности: а) общая для раздельно существовавших индоевропейских группировок эпическая тема военной колонизации или основания центральных пунктов сакрального пространства на новом (пустом, необитаемом) месте - легенды об основании Рима, скифского царства, о скитаниях Мопсоса, Даная, Одина и т.п.; б) мифы о тройном расширении обитаемого пространства или о трехкратном завоевании в индоиранской и древнеирландской традициях; в) индоевропейские ритуалы колонизации типа *uer sacrum* или подношений человеческих жертв богу войны; г) расхождения хеттской металлургической лексики с прочей индоевропейской или армянской со славянской как свидетельств расщеплений и перемещений внутри предполагаемого индоевропейского континуума еще в конце неолита.

2. Система ориентиров лингвистического и внелингвистического характера для гипотетической локализации первичных и вторичных очагов индоевропейских миграций применительно к условиям карпато-балканского ареала: а) предполагаемая автохтонность индоевропейцев, особенно балтов, в зоне "древнеевропейской" гидронимии и отдельно в Валкамоники, то есть к северу, востоку и западу от Карпат; б) появление в бассейне Дуная ритуалов кремации, выноса могильников за пределы поселений, наступательного оружия в погребальном инвентаре, колесных повозок и коневодства и связанной с ним культовой символики как достаточно вероятные признаки индоевропейской культурной типологии в отличие от староевропейской неолитической или общеприбалканской; в) особые древние схождения и эксклюзивы вблизи карпато-балканского ареала с участием протогреков: ясень как мировое дерево в мифологиях Греции и Скандинавии, затем перенос греками и иран-

цами обще.-е. названия бука на дуб и вяз соответственно.

3. Проблема корреляции с материалами археологии: дискусионность большинства предлагаемых отождествлений для культур старше середины II тыс. до н.э. и относительная надежность сопоставления южных группировок лужицкой культуры с фригийцами для XII в. до н.э.; проблема этнокультурной идентификации локальных очагов культуры полей погребальных урн, на разных основаниях приписываемых кельтам, италикам, "древнеевропейцам" вообще.

4. Историческая вторичность всех очагов и направлений миграций на протяжении II тыс. до н.э., неясность их генетической филиации и общие проблемы индоевропеистики, неразрешенность которых осложняет карпато-балканистику.

ЭЛЕМЕНТЫ ДОИНДЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО СУБСТРАТА НА ЮГЕ БАЛКАН (МИНОЙСКИЙ И "ЭГЕЙСКИЙ")

А.А.Молчанов (Москва)

Наличие дои.-е. языкового слоя на юге Балканского п-ова (включая Крит и другие острова Эгейского моря) в настоящее время уже не может вызвать никаких сомнений. Античная лингвистическая балканистика пришла к установлению этого факта двумя различными путями. С одной стороны, в результате последовательного анализа субстратной догреч. лексики данного региона, для части которой и.-е. этимологии явно отсутствуют, вычленяется весьма значительная группа языковых фактов, объединяемых под общим условным названием "эгейских". С другой стороны, прочтение крит. текстов линейного письма А (после дешифровки родственного ему лин. В) хотя и не привело к полной интерпретации их содержания, позволило все же составить некоторое представление об их языке. Этот язык догреч. населения о-ва Крит, т.н. минойцев, с явно неи.-е. фонетической структурой СТСГСГ, получил наименование минойского (все попытки обнаружить лексические и грамматические соответствия, доказывающие его и.-е. или семит. принадлежность, оказались безуспешными).

Вопрос о соотношении обоих выявленных элементов дои.-е. субстрата при современном уровне знаний следует, по нашему мнению, ставить в следующем плане: как то, что мы имеем в минойском, соотносится с данными об "эгейском"? Такой подход сейчас представляется методически наиболее правильным. Ведь даже при нынешнем положении дел с дешифровкой памятников лин. А, мин. язык присутствует в них (и потому может быть изучаем) как нечто целостное и территориально компактное (Крит и его апоикии). "Эгейский" же в ходе его реконструкции складывается из отдельных разрозненных деталей и является по сути дела суммой фактов, которые относятся к разным дои.-е. языковым слоям, существовавшим (или сосуществовавшим) на обширной территории Эгеиды. При сравнении лексических фондов, грамматических и иных характеристик мин. и "эгейского" языков надо учитывать особенности имеющегося в нашем распоряжении исходного материала. Доку-

менты лин.письма А в силу своей жанровой ограниченности содержат лексику специфического характера, отражают самые простые грамматические и синтаксические ситуации. Кроме того лексемы, обнаруживаемые на табличках лин.А, могут сгруппироваться и не собственно мин.по происхождению(к таковым несомненно относится целый ряд культурных терминов). В таком случае их совпадение с "эгейскими" не означает тождественность языковых фактов. Но присутствие таковых в крит.догреч.письменных памятниках означает, тем не менее, их употребление в мин.языке, и их последующее появление в греч. могло произойти не непосредственно из первоначального источника заимствования, а через минойское посредство. Усвоение иноязычных слов - процесс естественный, происходивший и в мин.языке. Имеются лингвистические, археологические и исторические (сохраненные античной традицией) данные о сложном, многоэтническом составе населения Крита РМ - СМ периодов, включавшего как минимум три компонента: мин., пеллагский и азиатский. Только после сложения примерно к XVI в.до н.э. единой Кносской державы мог окончательно оформиться общекрит.мин.язык. Его оформление шло, судя по всему, всю 1-ю половину II тыс.до н.э. В основу его лег раннемин.язык III тыс.до н.э., впитавший в себя элементы побежденных им на Крите других языков, из которых достоверно определяются лишь два и.-е.: "пеллагский"-фракийский и азиатский. При этом столь же надежные данные об отношениях мин. с иными и.-е. языками догреч.субстрата в Эгейском бассейне отсутствуют. Поэтому среди проблем изучения древнейшей на территории Европы цивилизации догреч. Крита выяснение соотношения между языком ее создателей - минойским и "эгейским" является одной из самых насущных для лингвистической минойстики.

МЕНАНДР О ВТОРЖЕНИЯХ "ВАРВАРОВ" ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI В. (К ВОПРОСУ О СЛАВЯНИЗАЦИИ КАРПАТО-БАЛКАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ)

Е.П.Наумов (Москва)

Научное значение сохранившихся отрывков из "Истории" Менаандра (т.н."Отрывки о посольствах") - автора, который не только был современником описываемых событий, но и располагал подробной официальной информацией о соседних племенах и народах, об отношениях их (например, аваров, славян, турков) с Византией и взаимоотношениях их между собой. Применительно к проблемам "варварских" вторжений и славянизации балканских земель значимость сообщений Менаандра о событиях 559 - 582 гг. (т.е."после Агафия") возрастает, с одной стороны, потому, что они характеризуют положение в европейских владениях Византии на рубеже массового заселения их славянами (ср.Д.Ангелов. Образование на българската народност. София, 1971, с.146), с другой, так как у Менаандра, пожалуй, интерес к этнографическому материалу проявляется сильнее, нежели у других византийских авторов VI в.

Ввиду этого представляется полезным рассмотреть особо этно-

социальную терминологию Менандра (в частности, употребление им термина "этнос", то есть народ, племя, и "филон", то есть род, племя); такой анализ представляет интерес и для сопоставления с аналогичными обозначениями у других византийских авторов той поры (Малалы, Прокопия и др.), для сравнения со средневековой терминологией (род - народ) и современной (род, племя, народ - народность), наконец, и для источниковедческого исследования сочинения и источников самого Менандра, равно как и соответствующего уточнения переводов наиболее важных для этой темы пассажей данного автора.

Рассмотрение терминов "этнос" и "филон" в сообщениях Менандра показывает, что он вовсе не противопоставлял эти обозначения, а, напротив, нередко один и тот же народ (например, аваров, турков и др.) называл обоими наименованиями. В свою очередь тот факт, что писатель подчеркивает наличие у того или иного народа своего языка, обычаев и обрядов (разумеется, при близости их у "соплеменников"), заставляет предположить, что Менандр считал сопредельные с Византией народы (в том числе аваров, славян) достаточно сложившимися этническими общностями. Такая точка зрения, вероятно, позволяет вновь вернуться к истолкованию известного сообщения Менандра о "народе славян" во Фракии (в 581 г.) и, быть может, высказать сомнения в правомерности интерпретации данного пассажа лишь в смысле наличия больших масс славян к югу от Дуная, но не постоянно поселившихся и не в виде компактного целого (такой вывод см. Византистики извори за историју народа Југославије, I, Београд, 1955, с. 96, прим. 37).

В этой связи необходимо снова сопоставить это сообщение с другим отрывком Менандра - об использовании Византией аваров (в 578 - 579 гг.) против славянских земель к северу от Дуная, дабы отвлечь славян от опустошения балканских провинций империи. Здесь для нас важно не только указание о тесной связи на том этапе славянизации новых славянских поселенцев, перешедших к югу от Дуная, со своими "родными местами" (патроа), то есть со своими соплеменниками и соседними племенами. Анализ термина "патроа" в данных отрывках показывает, что писатель применял его в значении "отцовский", "принадлежавший отцу"; это позволяет уточнить перевод этой фразы, указывающей на то, что Менандр таким образом полагал, что к северу от Дуная жили славяне еще в начале VI в.

"КАВКАЗОИДНЫЕ" ЭЛЕМЕНТЫ ПАЛЕОБАЛКАНСКОГО СУБСТРАТА

С.Л. Николаев (Москва)

В др.-греч. языке имеется большое количество заимствований из языков, относящихся к сев.-кавк. семье языков (к ней относятся нахско-дагестанские, хуррито-урартские, видимо, с этрусским, абхазо-адыгские, с хаттским. Далее сев.-кавк. языки родственны енисейским, сино-тибетским и на-дене, образуя дене-кавказскую макросемью, глубина которой примерно 10-12 тыс. лет),

либо близко им родственных "кавказоидных". Видимо, "кавказоидные" языки были распространены до прихода индоевропейцев по всему европейскому Средиземноморью: об этом говорит наличие "кавказоидного" субстрата в италийских языках, романских языках иберо-роман. группы, а также сохранение "кавказоидного" баскского языка на Пиринеях, родство которого с сев.-кавк. (но не картвельскими!) убедительно показал В.Чирикба в сб. "Древняя Анатолия". Отсюда следует, что попытка найти следы "кавказоидного" субстрата в современных балканских языках не будет бессмысленной. Приведем некоторые вызывающие интерес параллели "(палео)балканским" словам, не имеющим и.-е. и других надежных этимологий, из сев.-кавк. языков.

1/ рум. balaur "змея, дракон", алб. bollë гер. bullar, с.-хорв. блавѳр, блавѳур "вид змеи", не исключено, что родственный элемент содержит др.-греч. Βελλερο-φύγης. Ср. ПНД *bōʔōrʎa "змея, червь": чеч. bōxalla, bōxan-ig "змея", анд. berka, ав. borbɔx "змея, червь", гин. būkore "змея", bika "червь". На ПНД и ПСК срединный латеральный в корне указывает регулярное соответствие заднеязычных в языках-потомках. 2/ рум. buză "губа, край, кромка", аром. budză алб. buzë "губа, край", с.-хорв. диал. budza "рот". Ср. ПСК *pʎhʎrɔcʎʎʎ/cʎʎhʎr-pʎʎ "край; губа": бцб. cʎʎor "острие, оружия, вершина", ахв. cʎʎeber "край", ПАА *(p)ʎʎa "кончик; острый"; особенно на балк. формы похоже ПП *pʎuz "губа" (лезг. pʎuz, рут., крыз. pʎz). Из другого "кавказоидного" источника, возможно, заимствованы рум. țeară "игла, колечка, кол", а также алб. thep "острый выступ, зубец". 3/ рум. zară "пахтанье", zer "молочная сыворотка", алб. dhallë "снятое молоко". Ср. ПНД *šārʎ : чеч., инг. šar "пахта", бцб. šar "сыворотка", год. šari "пахта", ав. šar "сыворотка". 4/ рум. baligă "навоз, помет", алб. balgë тж., с.-хорв. балега "помет"; ср. еще греч. (Hes.) πάλμιος "грязь, слякоть". Ср. ПНД *pʎʔʎʎʎʎʎ "грязь, кал": дарг. диал. pʎʎ "помет", лак. pur (\leq *purh) "понос", бект. puxi тж., чеч. bōxă, инг. bījexa "грязный", арч. purɔ "понос". 5/ алб. bung "вид дуба", рум. bunget "чаша". Ср. ПСК *bēnGG.ɛ̃ (либо *mēlGG.ɛ̃) "вид широколиственного дерева": бцб. murqʎa "ольха", гин. poqo "дуб", бект. naqo "ольха", убых. məʎā-sə "граб", məʎa-cʎa "ольха". 6/ рум. cioară, алб. sorrë "ворона". Ср. ПД *çʎʎilʎ (либо *ē-) "вид птицы": ав. çʎʎorólo "перепелка", чам. çʎʎoru "мелкая птица", лак. çʎʎilmu "птичка", агул. çʎʎem-çʎʎal "перепелка". 7/ рум. cioc "клюв", алб. çukit "стучать клювом", çukas "клевать". Ср. ПНД *çʎʎhʎʎʎʎʎ/*gʎʎhʎʎʎʎ "клюв": чеч. çʎʎok, бцб. çok, год. gʎʎaza, ав. gozób. Балк. последовательность согласных корня схожа с нахской. 8/ интересно сравнить рум. ciut "безрогий"; алб. shytë, shyt, shut тж. с ПД *θʎtʎʎ "баран с короткими ушами": цез. sutʎe, дарг. диал. utʎa, арч. ótʎi 9/ рум. măgar, алб. magar, gomar, с.-хорв. магарац "осел". Ср. следующие сев.-кавк. формы, для которых трудно реконструировать СК праформу ввиду контаминации исконно кавк. слов. с араб. himār "осел"

(которое, как и родственные семит. формы, является одной из кавказо-афразийских контактных изоглосс): анд. hamaroxi, год. hamaḫi, ав. ḥamá, цах. ämäle, инх. omq'е, дарг. emḥe "осел". 10/ рум. soacaz(ă) "смородина", алб. koqe "зерно пшеницы; одна ягода", сюда же др.-греч. κβικος "косточка плода, семечко, зерно". Ср. ПИД *kak'ʌ: инг. kaq "мякина", год. k'ik'i "виноград", бект., гуnz. k'ek'e "жареное зерно" либо гуnz. k'ək'i, бект. k'äk'ä "косточка плода".

Список балкано-кавк. параллелей может быть еще расширен.

БАЛКАНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. 29-31

В.Э.Орел (Москва)

Алб. varr, vorr

Ряд слов имеет в албанском аналит тоск. va-, гег. vo-. Обычно считают, что среди этих слов есть и заимствования, и исконная лексика, ср. Jokl N. - IF, XXXVI, 1916, III; Десницкая А.В. - ВЯ, 1976, №3, 39. Проведенная нами ревизия материала (см. Орел В.Э. Состав и характеристика субстратного апеллативного фонда балканославянских языков. М., 1981, АҚД) показывает, что речь может идти только о заимствованиях: из латинского, ср. vaj, voj "масло" < oleum, varfer, vorfèn "бедный, нищий" < orphanus; из греческого, ср. vadhë, vodhë, voes "дикая груша" < ὄα, οἴη "sorbus domestica"; из иранского, ср. vater, votër "очаг" < *ātar. Развитие протетического v- и дивергенция тоск. va-, гег. vo- фонологически связаны с дифтонгизацией долгих гласных неверхнего подъема в ауслауте.

В этот ряд входит и тоск. varr, гег. vorr "могила", объяснявшееся как исконный элемент, связанный с и.-е. *yer- "вертеть" или с греч. ὀρύσσω "рыть", ср. Jokl, Studien, 94; Gabej П, 270. Но связь с *yer- сомнительна семантически, а греч. ὀρύσσω содержит протетическое ó- см. Chantraine s.v.

В качестве раннеалбанского прототипа varr, vorr мы, вслед за большинством исследователей, восстанавливаем *ornā (ауслаут - с учетом принадлежности varr, vorr к ср. роду, начиная с памятников XVI-XVII вв.). Далее мы предполагаем, что *ornā является латинским заимствованием и восходит к лат. urna "погребальная урна".

Фонетическое развитие urna > раннеалб. *ornā вполне допустимо: хотя лат. u, как правило, передается в вост.-романском и албанском как u и не совпадает с o, известны и многочисленные отклонения, ср. рум. noră "сноха, невестка" < nurus, ploaie "дождь" < pluvia, scoate "вынимать, выдергивать" < нар.-лат. *excutō, toamnă "осень" < autumnus и под. Сходным образом в далматинском: вельот. stollo "колонна" < нар.-лат. *stūlus < греч. στύλος. В семантико-культурном плане наша этимология может быть поддержана указанием на другие термины римского погребального обряда, сохранившиеся в албанском, но не в вост.-романском, ср. алб. arkë "гроб" < arca, rrëshajë "троицын день" < Rosālia, название поминального обряда; ср.,

наконец, алб. mort(e) "смерть" < mortem и устойчивое сочетание последнего с varr, vorr во фразе për mort e për vort tat "per mortem et sepulturam tuam".

Алб. ankth

Корневая часть алб. ankth "тревога, страдание, беспокойство" правильно объяснена из и.-е. *angh- "узкий", см. Çabej I, 36 с обзором других решений. В плане связи узости и ужаса, тесноты и тоски ср. хотя бы др.-исл. angr "печаль", лат. angustia от того же корня; в более широком контексте см. Топоров В.Н. - Structure of Texts and Semiotics of Culture. The Hague-Paris, 1973, 246 сл., 280 сл.

Предложенное нами объяснение двоякого развития сочетаний *s + t в албанском: -sht- и -th- (Орел В.Э. - СБЯ, 1983, 146 сл.) позволяет установить цельнолексемное соответствие между алб. ankth из *anghusto-, *anghosto- и лат. angustus "узкий", д.-в.-н. angust "страх", нем. Angst тж., далее ср. лит. aĩkštās "узкий" и под. Это, по-видимому, позволяет говорить о диалектном и.-е. названии для "тоски, ужаса".

Алб. bjeshkë

Алб. bjeshkë относится к числу тех слов, этимология которых способна привести к существенным этнолингвистическим выводам, поскольку эта лексема, по-видимому, объясняет происхождение названия горного массива Бескиды (см. Çabej I, s.v. bjeshkë).

Для bjeshkë "горное пастбище" восстанавливается более ранняя форма *beskā, прежде объяснявшаяся из *berskā (Çabej), что приводит к некоторым трудностям историко-фонетического характера, так как утрата *-r- здесь ничем не обусловлена.

Мы предлагаем реконструировать для праалб. *beskā более раннюю форму *bheugskā или *bheugiskā, производное и.-е. *bheug- "гнуть", ср. гот. biugan то же. С фонетической точки зрения оба указанных варианта должны были развиваться в *beskā (с регулярной утратой *-g- перед сочетанием согласных или перед старым ударением и с дальнейшей контракцией гласных). Что касается значения, к семантической эволюции "гнуть, крутить" > "гора, берег" ср. хотя бы лит. kraĩtas. Особого внимания заслуживает вероятная праалбанская форма мн. числа с постпозитивным указательным местоимением *beskai tai как правдоподобное название Бескид.

ФРАКИЙЦЫ, ФРИГИЙЦЫ И КАРИЙЦЫ В ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЭЛЛАДЕ

Ю.В.Откупщиков (Ленинград)

1. Догреческий субстрат, признаваемый то "средиземноморским", то "анатолийским", то "пеласгским", представлял собой сложный конгломерат, в состав которого входили языки фракийский, фригийский, карийский и, вероятно, древнемакедонский.

2. Археологи давно обратили внимание на многочисленные совпадения между памятниками крито-микенской культуры и культурами Фракии, Фригии и Карики исторической эпохи, в частности -

в такой консервативной области, как похоронные обряды и типы погребений. Монументальные погребальные сооружения сохранились у фракийцев, фригийцев и карийцев, но не сохранились у греков, ибо у последних они были привнесены извне, а не исконны.

3. Опять же археологи, а не лингвисты первыми обратили серьезное внимание на многочисленные фракийско-малоазийские ономастические изоглоссы (А.Магри), а также на наличие фракийских имен в табличках линейного письма В (Дж.Каповилла). В последнее время этот вопрос наиболее детально рассматривался в работах голландского ученого П. ван Сусбергена.

4. На всей территории материковой Греции, а также на Крите и на островах Эгейского моря мы находим большое количество топонимических следов пребывания фракийцев, фригийцев и карийцев. Эти факты уже неоднократно отмечались исследователями. Но еще важнее другое: словообразовательная структура топонимов ясно указывает на их распространение с севера на юг и на юго-восток - в Малую Азию: 'Αβάντες, фрак. ЭН → 'Αβαντίς = Эвбея, 'Αβαρίς, фрак. ЛИ → 'Αβαρίωνος, древнее название Пилоса, 'Ασταί, фрак. ЛИ → 'Αστάλη, МН на Крите, Τύλις г. во Фракии → Τυλισσός, г. на Крите и мн. др. Подобного рода фракийско-малоазийские изоглоссы, отражающие миграцию фракийских и фригийских племен с Балкан в Малую Азию мною уже отмечались раньше.

5. Особенно показательны изоглоссы Θραϊσσα "фракийская" - Θραιστός, г. в Элиде и Μάκεσσα "македонская" - Μάκεστος, г. в Элиде. Это - не просто фрако-македонские следы в топонимике южной Греции, но и отражение типичной догреческой словообразовательной модели, ср.: Βύβα-σσ-ος = Βύβα-στ-ος, г. в Карию, Κρη-σσ-ώνος = Κρη-στ-ώνος, г. во Фракии.

6. Фракийская топонимика особенно часто встречается в Фессалии, Фокиде, Беотии, Аттике, на Эвбее, распространяясь также на Пелопоннес и достигая Крита. Характерно, что именно этот ареал, в основном, фигурирует в многочисленных свидетельствах античных авторов о пребывании фракийцев в доисторич. Греции.

7. Аналогичные наблюдения могут быть сделаны и относительно фригийской и карийской топонимики на территории древней Элады.

8. В разное время высказывались идеи о карийской принадлежности крито-микенской культуры, о фракийском эпицентре ее возникновения и развития, о фракийском или фригийском происхождении крито-микенского искусства и т.п. Все эти противоречивые идеи, возникшие явно не на пустом месте, можно привести к "общему знаменателю", если признать, что предки греков пришли в Грецию с севера вслед за предками карийцев, а также части фракийцев и фригийцев. Первые они вытеснили в Малую Азию, последних - ассимилировали. Вместе с тем, они заимствовали у своих предшественников очень многое из области материальной и духовной культуры, в том числе - обширные пласты лексики, как апеллятивной, так и ономастической, которая в составе древнегреческого языка выделяется как лексика догреческого субстрата.

А.В.Подосинов (Москва)

В "Метаморфозах" Овидия мы встречаем следующее любопытное описание: "Существует поверье, что на Гиперборейском Паллене есть люди, тела которых обыкновенно покрываются легкими перьями, когда они девять раз погрузятся в Тритонийское озеро. Упоминают - хотя я этому не верю, - что и скифянки упражняются в таком же искусстве, обрызгивая свои тела зельями" (XV, 356 - 360). Комментаторы обычно мало что могут сказать по поводу этого пассажа. Паллена - это юго-восточный полуостров фракийской Халкидики. Тритонийское озеро локализуют, как правило, в Северной Африке. Место гипербореев на карте Восточной Европы - крайне северное. Скифы, как известно, населяли Северное Причерноморье. Уже один этот географический разброс представлял почти непреодолимые трудности для комментирования. Попытку предложить некоторые пути интерпретации и представляет собой настоящий доклад.

На наш взгляд, данное сообщение Овидия представляет собой поэтическое наложение различных хронологических, географических и мифологических пластов. Название фракийской Паллены "Гиперборейской" восходит, по-видимому, к тем временам, когда Фракия могла восприниматься как северная, гиперборейская. Есть немало оснований полагать, что сам миф о гиперборейцах имел изначально более близкую локализацию, ограниченную географическим кругозором своей эпохи. Высказывают, например, предположение, что та часть легенды о гиперборейцах, которая связана с Дельфами, происходит из балканских стран (Daebritz R. Hyperboreer.- RE IX, 1, col.263). Филостефан прямо указывал, что само название этого народа происходит от имени фессалийца Гиперборея (Schol.ad Pindar. 01, III 28). Фракийцев отождествляют с гиперборейцами также Serv. Schol. ad Aen. XI, 858; XII, 366; Schol. ad Horat. Carm. II, 20, 16. Фракийскую этимологию слова **Υπερβόρειοι** предполагает Покорный (Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1950, V, S.477).

Не исключено, что именно фракийские горы были первоначально известны как "Борейские" или "Рипейские", за которыми и помещали гипербореев (ср. Tit.Liv. XLV, 29, 8 о горной цепи в Македонии под названием Bora mons). Вспомним, что и само имя гипербореев традиционно этимологизировалось в античности как "живущие за (υπερ) ветром **Бореем** (**Βορρεας**)". У Овидия мы находим много указаний на то, что Борей связывался им именно с Фракией (Amor. I, 6, 53; Ars, II, 431; Heroid. XVI, 343 - 344; Metam. VI, 683 sqq.; VII, 695; XI, 50). Эта древняя мифологическая традиция делала возможным именование фракийской Паллены как "гиперборейской".

Перенос гипербореев на северо-восточную окраину Европы произошел позже, с расширением географического кругозора гре-

ков (в соответствии с известным законом постепенного перенесения мифологических реалий далее в еще не известную окраину ойкумены). Вероятно, к более позднему пласту геомифологического восприятия гипербореев относится связь понятий "гиперборея" и "скифский" с перьями, покрывающими тело. Этот образ может быть связан с обликом страны к северу от Скифии, в которой "нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летящих перьев. И действительно, земля и воздух там полны перьев, а это-то мешает зрению" (Hdt. IV, 7). Геродот рационалистически толкует эти сведения: "скифы и их соседи, образно говоря, называют снежные хлопья перьями" (IV, 31; ср. также Aeschyl. Prom. Vinct. 993; Sophocl. Antigone. 114). Примечательно, что за этим рассказом Геродот сообщает известные ему сведения о гиперборейях. Сходное описание дает и Плиний Старший (IV, 88): "Затем - Рипейские горы и страна, названная Птерофором из-за постоянно падающего снега, похожего на перья". Образ "Пероносной" страны, географически локализуемой между Скифией и гиперборейями, мог послужить основой для мифологических построений поэта, работавшего в духе александрийской "ученой" поэзии.

Не исключено также, что в описании Овидия мы имеем дело с отзвуком мифологических представлений совсем другого географического ареала, которые восходят к "Аримастее" Аристея Проконесского (VII в. до н.э.), где, по мнению ряда ученых, отразились историко-мифологические и этнографические сюжеты, имеющие аналогии в Центральной Азии, Индии, Китае и др. странах. Еще в 1933 г. А. Альфельди заметил, что многие аристеевы персонажи (например, одноглазые аримасты и грифоны, стерегущие сокровища) - порождения центральноазиатского фольклора. Пятнадцать лет позже Э. Р. Доддс, развивая эту мысль, указал, что эскиловы форкиды, слепые девы в образе лебедя, κινυβμορφοι (Prom. Vinct. 794 sqq.), также восходят через Аристея к центральноазиатскому фольклору, к легендам о девушках-лебедях, живущих в темноте и имеющих глаза из свинца. Дж. Д. П. Болтон также считает перья, наполняющие воздух, и лебедеподобных дев характерными элементами этого фольклора и приводит соответствующие китайские версии. Вполне поэтому вероятно, что Овидиевы скифянки и "фракийские" гипербореи, покрывающиеся "легкими перьями" (превращающиеся в лебедей?) - это неясное (из-за утраты многих промежуточных источников и поэтической контаминации разновременных мифологических представлений) отражение аристеевых легенд, связывавших в единый комплекс гипербореев, аримаспов, скифов, лебедеподобных дев, перья-снег и т.д. Появление здесь ливийской топонимии (Тритонийское озеро) может объясняться ливийской локализацией форкид, тесно связанных затем с горгонами (Aeschyl. Prom. Vinct. 794 - 800; Apollod. I, 2, 6; II, 4, 2).

ЭЛЛИНСКОЕ ИСКУССТВО НА СЛУЖБЕ СКИФСКОГО И ФРАКИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Д.С.Раевский (Москва)

Между Скифией и Фракией середины 1 тыс. до н.э. обнаруживается несомненное сходство в самых различных областях их социально-экономического, политического и культурного бытия. Сходство это имеет отчасти типологическую, отчасти генетическую природу и порождено как близостью исторических условий, в которых протекало формирование и развитие обоих обществ, так и существованием тесных контактов Фракии и Скифии между собой и с одними и теми же областями древнего мира. В свете сказанного особого внимания заслуживают те стороны скифской и фракийской культур, где, несмотря на значительную близость исходных условий, между ними обнаруживаются ощутимые различия. Выяснение характера этих различий и породивших их причин обеспечило бы более полное понимание специфики обоих названных обществ, в том числе их культурной истории.

Одним из моментов, оказавших ощутимое влияние на облик культуры скифов и фракийцев, явилось тесное их взаимодействие с античным миром. Памятники как Скифии, так и Фракии изобилуют изделиями греческого художественного ремесла, причем показательно, что значительную долю среди них составляют предметы местных форм оружие, сосуды, детали конского убора и т.д., лишь декорированные в эллинских традициях. Иными словами, перед нами не просто художественный импорт, а свидетельство активного приспособления античных мастеров к запросам общества-заказчика. Поэтому различия в репертуаре мотивов, используемых для украшения интересующих нас предметов, показательны для характеристики этих запросов.

Во Фракии предметы местных форм, выполненные греческими мастерами, украшены почти исключительно изображениями на сюжеты античной мифологии. Мотивы этого круга известны и на скифских древностях, но там наблюдается многократное тиражирование достаточно ограниченного набора мотивов, тогда как во Фракии отмечается большее их разнообразие. Это различие может быть объяснено или большей эллинизацией фракийской идеологии по сравнению со скифской, или более "светским" характером декора интересующих нас фракийских памятников, меньшей его связью с идеологической сферой.

Наиболее специфичной чертой греко-скифского искусства является обилие выполненных греческими мастерами в традициях так называемого "этнографического реализма" сцен на местные темы, а точнее - воплощений скифских мифологических сюжетов, что для Фракии совершенно не характерно. Зато во Фракии наблюдается формирование самобытной местной иконографии мифологических персонажей, чего почти не знает искусство Скифии. Наблюдается, таким образом, разная степень приобщения эллинских мастеров к религиозно-мифологическим представлениям фра-

кийцев и скифов. В Скифии греческое искусство было поставлено перед задачей заполнить своего рода "иконографический вакуум", порожденный исконным аниконизмом скифской культуры. Во Фракии подобная задача перед ним не возникала.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ: "ВОЛЧЬИ ДНИ" У РУМЫН

Т.Н.Свешникова (Москва)

Данная работа представляет собой попытку составить на основании целого ряда фольклорных источников календарь т.н. "волчьих дней", которые, по мнению большинства исследователей, являются отражением существовавшего в древности культа волка (ср., в частности: Eliade M. - Numen, 1959, VI, 1, p.15-31). Одним из основных дней волчьего календаря, по-видимому, следует считать Петров день (зимний праздник, в отличие от летнего Петрова дня, который меньше почитается). День Св.Петра - 16 января (по румынскому церковному календарю) отмечается различными запретами, о которых см.ниже. Второй по значению праздник - день Св.Филиппа (Filipii). Эти дни строго соблюдаются, в особенности женщинами; число их колеблется в зависимости от традиций и местности. Третий чрезвычайно почитаемый праздник - день Св.Андрея (30 ноября). Календарь "волчьих дней" см.таблицу.

Запреты в "волчьих дни": 1. Запрет на различные виды работы, связанной с употреблением острых, колющих и режущих предметов: например, в день Св.Филиппа женщины не шьют, не прядут, не метут, не причесываются, не моются; запрещается пользоваться вязальными спицами, шилом, сверлом, трепалкой для льна; особенно опасно шить красной ниткой и вязать из шерсти. Некоторые виды работы, однако, допускаются: разрешается белиль стены и потолки, стирать и готовить еду. 2. Запрет на нарушение оппозиции открытый/закрытый. Ср.существующее у румын поверье, согласно которому нельзя раскрывать ножницы в "волчьих дни" - их перевязывают веревкой, чтобы тем самым завязать волку пасть. Перевязывают и другие опасные предметы: трепалку для льна, гребень. Существует обычай держать гребни так, чтобы зубья одного входили в зубья другого: считается, что тогда и зубы волка будут стиснуты. 3. Запрет на нарушение оппозиции внутренний/внешний реализуется, в частности, следующим образом: в "волчьих дни" нельзя выносить что-либо из дому, давать взаймы, подавать милостыню, мести, выбрасывать мусор, золу из печи, чистить стойла; особенно опасно давать взаймы огонь.

Способы защиты от волков и оборотней в "волчьих дни". Несмотря на запрещение пользоваться едкими и остропахнувшими веществами, одним из основных средств защиты от волков и оборотней является чеснок. Особенно широко используют чеснок в день Св.Андрея. Чесноком смазывают двери, окна, стены, лестницы, колодцы, устье печи, дверные ручки и петли, порог, чтобы защитить внутреннее пространство дома и стойла от волка и нечистой силы. С той же целью мажут чесноком опасные предметы: трепалку для льна и конопли, клещи, кочергу, топор и под. В день Св.Андрея

люди едят чеснок, натирают чесноком тело или только лоб, груди, спину или суставы, мажут лоб, копыта и рога у скотины.

Другое средство защиты от волка - кипяток. Поэтому в дни св. Филиппа принято стирать в очень горячей воде: считается, что таким образом можно обжечь волку пасть. В качестве средства защиты от волков используется навоз. Так, в день св. Алексея (17 марта) приносят в дом сухой навоз, собранный на Воздвижение (14 сентября), поджигают его и окуривают основные дома и загоны для скота. Считается также, что волк не тронет скотину, если левая передняя нога будет смазана навозом. Для защиты от волка насаживают на шею лошадиную голову. И, наконец, в канун Св. Андрея в доме перевертывают всю посуду вверх дном и разбивают светильник, чтобы нечистая сила не смогла проникнуть внутрь при помощи этих злокозненных предметов.

Таблица. КАЛЕНДАРЬ "ВОЛЧЬИХ ДНЕЙ" У РУМЫН

Название праздника	Дата праздника
Sf. Petru (вар. Sâmpetru, Sâmpetru de iarnă, Petru de iarnă, Sint'etru (Sink'etru) d'î iarnă)	16 января
Cîrcovii de iarnă	17-18 января
Sf. Trif	1 февраля
Filipii de iarnă	30 января-2 февраля, в некоторых обл. 25-31
Stretenie - Сретенье	2 февраля
Filipii (Martinii) de iarnă	1-3 февраля
Sf. Toader	17 февраля и Великая суббота
Sf. Alexie	17 марта
Sf. Gheorghe	23 апреля
Ispas - Вознесение	40 день после Пасхи
Sînzienă - День Ивана Купалы	24 июня
Stoborul Sâmpietrului, т.е. следующий после Петрова дня	30 июня
Ciurica (день св. Кириака)	15 июля
Cîrcovii de vară (или Cîrcovii Marinii)	15-17 июля
Mărina	17 июля
Lupu	23 августа
Teclele или Verbecarii	24 сентября, местами - 26, 27, 28 сентября
Sf. Filip	11 октября
Lucinul	17 октября в день св. Осие или 18 октября в день св. Луки
Sf. Dumitru	26 октября

Filipii (дни св.Филиппа) (вар.ChilichiŃ, Pilipii, Cilipii, Cilichii, Hilipii, Hilepii)	Число дней и дата праздни- ка зависят от места и традиции: 14 ноября; 14 и 15 ноября; 14, 15 и 16 нояб- ря, 11-16 ноября; 12-16 и 21 ноября; 15-20 ноября
Ovideniile - Введение (другое название этого дня Filipul cel şchiop - Филипп Хромой)	21 ноября
Gădineţ или Gădineţul şchiop "Гăдинец хромой" или Ziua lupu- lui "День волка"	середина ноября или день св.Андрея - 30 ноября; за две недели до св.Николая (6 декабря)
Sf. Andrei (вар. Andreiu-de- Iarnă, Sânt-Andrei, Sf. Andreă, Moş-Andrei)	30 ноября
Sf. Nicolae	6 декабря
Găzi şi tuşmnă	6 дней накануне св.Николая
Сочельник	24 декабря
Sf. Vasile	1 января
Bobotează - Крещение	6 января

РУМЫНСКОЕ ПОСРЕДСТВО В РАСПРОСТРАНЕНИИ ТЮРКИЗМОВ НА КАРПАТО-БАЛКАНСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Т.Ф.Семенова (Москва)

Большинство тюркизмов в диалекты карпато-балканской зоны попадали опосредованно. Значительная роль в их распространении принадлежала румынскому, куда они проникали вследствие прямых контактов с различными тюркскими языками.

Через территорию, занимаемую ныне носителями восточно-романских диалектов с IV по XVIII в. н.э. прошли самые разнообразные тюркские племена и народы: в IV в.н.э. здесь появились гунны, среди которых особенно многочисленными были тюркские племена, затем, со второй половины VI в. по 791 г. - авары, с 803, приблизительно, по 892-896 гг. на этой территории находились болгары, в конце IX в. вместе с венграми появились хазары, куманы и печенеги, с 1242 г. - татары. С XVI по XVIII вв. эта территория попадает в вассальную зависимость от Турции.

Таким образом, слой тюркских заимствований в румынском достаточно велик, в нем представлены, в основном, элементы кыпчакские (куманские, печенежские и татарские) и огузские.

Восточно-романским диалектам принадлежит ведущая роль в формировании карпатской специфической лексики, поэтому среди карпатизмов оказываются и тюркизмы, проникшие через восточно-романское посредство и распространенные на юго-западе карпатской территории, прежде всего в южных карпато-украинских горах и в венгерском диалекте чанго.

Рассмотрим ряд примеров: 1/ укр. аргония "георгина", ардиван, ардиван "сирень", дьордьован тж. < рум. argaván, argáván "сирень" < тур. erguvan; в то же время рум. iórgovan < с.-хорв. jorgòvān < тур. erguvan, а рум. ardoán (ardo-van) < венг.диал. járdovany, járdány, árdány, ср. также словц. orgován < венг.; укр. бурнѳс, бурнѳз, бурмѳс, бурмѳз, редк. бурнѳз "вид верхней мужской или женской одежды; вид женской одежды; вид куртки, иногда на вате" < рум. burnús, burnúz, burmúz < тур. burnus, burmuz < араб.; укр. лилик "аист" < рум. liliác, lelic "аист" < тур. leylek "белый аист", ср. также с.-хорв. лѳлек, болг. лилек, русск. лѳлек тж. < тур. leylek "белый аист"; укр. ортá "стадо" < рум. ortác < тур. orta "середина; стадо". 2/ венг.диал. árkān "аркан, лассо" < рум. arcán "аркан, лассо; название танца", ср. также польск. arkan, укр., русск. аркан < тж., ср. татар., кр.-татар., казах. аркан тж.; венг.диал. dusmān "плохой человек; враг; лентяй" < рум. duşmán "враг, плохой человек" < тур. duşman "враг", ср. также с.-хорв. dúšman также из турецкого.

СТРУКТУРНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КИПРО-МИНОЙСКОГО ТЕКСТА ИЗ ЭНКМИ

В.М.Сергеев (Москва)

1. В настоящее время известно значительное число кипро-минойских текстов, большинство из них, однако, фрагментарны. Между тем, успешная дешифровка неизвестных письменностей и языков возможна, как показывает практика, только при наличии достаточно большого связанного текста.

Кипро-минойский текст, найденный П.Дикайосом (Antiquity XXVII, 1953, 409), в наибольшей степени удовлетворяет этим требованиям ввиду хорошей сохранности и достаточной длины (≈ 400 знаков). Высказывалось мнение, что этот текст является списком (А.А.Молчанов. Таинственные письмена древних европейцев. М., 1980), что резко снизило бы его значение для исследования языка. Задача настоящей работы - проверка этого утверждения и попытка фонетической интерпретации текста на основе методики структурно-статистического анализа.

2. Первой фазой анализа является выделение морфем на основе сопоставления форм словоизменения в тексте. Удастся вычленить ряд суффиксов и обнаружить суффиксальную агглютинацию. Соответствующие морфемы выражаются знаками 38, 52, 12, 29, 36, 47, 05, 02 (нумерация такая же как у А.А. Молчанова). Текст состоит из пяти столбцов. На табл. 1 приведено распределение суффиксов по столбцам. Суффиксы 38, 52, 29, 36 (класс I) оказываются преимущественно в двух крайних столбцах, суффиксы 12, 47, 05, 02 (класс II) - в трех средних. При этом порядок: суффикс класса I в первой или второй позиции, суффиксы класса II во второй, третьей, четвертой позиции, опять суффикс класса I в четвертой или

пятой позиции - в данном тексте не нарушается. Отсюда следует не только связанность текста, но и то, что строки по преимуществу совпадают с предложениями.

3. Ряд знаков кипро-минойской письменности совпадают по форме одновременно со знаками кипрского слогового письма и со знаками линейного В. В том случае, если чтения соответствующих знаков кипрского слогового письма и линейного В совпадают, чтение знака кипро-минойского силлабария можно считать установленным (соответствующие знаки в табл. 2 подчеркнуты). Как указал М.Вентрис, несовпадение морфем и открытых слогов дает возможность построения сетки, группирующей в столбцы слоговые знаки с одинаковым гласным и в строки - знаки с одинаковым согласным. С целью такой группировки в настоящей работе строился граф, вершинами которого являлись знаки кипро-минойского силлабария. Две вершины соединялись ребрами в том случае, если соответствующие знаки в тексте чередуются хотя бы после двух различных знаков. Если чередование происходит после n знаков, ребру приписывается вес n . Построенный граф с помощью специальной алгоритмической процедуры разбивался на несвязанные подграфы. Эти подграфы могут быть интерпретированы как наличие в языке анализируемого текста морфем типа гласная + согласная. Каждый выделенный подграф соответствует такой морфеме, объединяя знаки с одной и той же согласной. Соответствующие подграфы реберного графа объединяют знаки с одной и той же гласной. Так как чтения некоторых знаков известны, удается заполнить сетку типа сетки Вентриса для 36 наиболее частотных знаков кипро-минойского силлабария (табл. 2).

4. С помощью указанной методики в тексте удается выделить четыре дополнительных морфемы: $ul(ur)$, un , $V+p$, iw . Эти морфемы обычно располагаются между корнем и агглютинирующими суффиксами. Таким образом, морфология языка текста из Энкоми в выделенных структурах оказывается совпадающей с морфологией хурритского языка (см. И.М.Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1966). Фонетическая транскрипция приводит к появлению корней и слов, которые могут быть интерпретированы как хурритские (taz , tar , ali , $patari$). Транскрибированному оказывается 60% текста.

Транскрипция текста обнаруживает обилие рифм и аллитераций в строках текста. Заметим, что метрика текста в неповрежденных строках 10-20 весьма напоминает метрику хурритского ритуального текста, анализировавшегося И.Тилем (в кн.: Древние языки Малой Азии. М., 1980, с. 107-128). Возможность интерпретации кипро-минойских текстов как хурритских уже отмечалась О.Массоном (O.Masson. Journal of the Royal Asiatic Society, 1972, N 2, p. 159-163).

Таблица 1.

№ стол- бцов					
	1	2	3	4	5
сuffик- сы					
52	3	2	0	1	3
38	1	0	0	0	1
29	2	2	0	0	1
36	1	0	0	1	2
12	1	1	1	4	0
47	0	3	2	1	0
05	1	1	3	1	0
02	0	0	0	2	0

Таблица 2.

		a	e	i	o	u
		55	53?	56?	57?	I6?
y	39					
w	29	I4? 52;28				
r(l)	I2? 25? 32?	03		30?		
m						
n	05					50,06
p	04				33	44
t	02	24		2I		
k	20					36?27?
s	II					
z						I9?49?
		43		5I		
		27		45		
		38		54		

О ПЕРЕДВИЖЕНИИ СОГЛАСНЫХ ВО ФРАКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

С.Р.Тохтасьев (Ленинград)

1. Разработка концепции о передвижении согласных (ПС) во фракийском языке принадлежит Д.Дечеву. В дальнейшем эту идею развивали Вл.Георгиев, К.Влахов, Ив.Дуриданов и др.; некоторые авторы, однако, выражают сомнение в регулярности ПС во фракийском и точности греко-римских передач. После работ Георгиева фрак. ПС обычно изображается так: и.-е. *p, t, k > фрак. φ, θ, χ = ph, th, kh; *b, d, g > фрак. π, τ, κ = p, t, k; *bh, dh, gh > фрак. β, δ, γ = b, d, g; *k^w, g^w, g^h > фрак. χ, κ, γ = kh, k, g.

Согласно Георгиеву, следует различать фракийский и дако-мизийский как самостоятельные и.-е. языки; дако-миз. характеризуется, в частности, отсутствием ПС. Действительная степень различия фрак. и дако-миз. является пока, впрочем, предметом споров; все же ради объективности дако-миз. материал в докладе не привлекается.

2. При рассмотрении традиционной схемы фрак. ПС прежде всего встает вопрос, которым, кажется, никто всерьез не задавался: а откуда, собственно говоря следует, что греч. φ, θ, χ передают фрак. ph, th, kh? Те же буквы греки использовали, к примеру, для субституции иран. (др.-перс., скиф., сарм. и др.) спирантов f, β, h (x). Мысль о наличии

во фрак. не только s, z = σ, ζ, но и других спирантов уже высказывалась, но без сколько-нибудь серьезных аргументов. По догадке Дечева, и.е. *bh, dh, gh > фрак. ḃ, ḍ, ḡ с альтернативой b, d, g = β, δ, γ. Из *k'получилось фрак. s, ḃ = σ, θ, а *g', g'h > z, ḍ = ζ, δ. Гораздо беднее спирантами оказывается фрак. язык в изображении Георгиева, признавшего спирантные рефлексы за и.е. *k', g', g'h. Спирантам f, h (x) вовсе не нашлось места в схемах фракологов (spiritus asper = лат. h- это, по Дечеву, следствие греческого влияния).

3. Спирант ḃ достаточно надежно фиксируется вариациями θ : (τ) : σ в Ζβελθιουρδος : °tiurdu : °σουρδος; Ταρουθινας : °τινος : °τινας (по Георгиеву - ex etymologia - θ = ḃ < и.е. *tw); Δανθαληται : °σεληται. За частыми чередованиями типа θ : τ (как Μενθης : Μεντης) может стоять тот же ḃ. Чередования могут быть связаны : a/ с колебаниями при письменной фиксации лексемы с ḃ, б/ с диалектными различиями: ḃ - t, в/ могут отражать ход начавшейся инновации, напр. ḃ > t и т.д.

4. Традиционная схема фрак. ПС не изменится принципиально, если предположить, что θ, φ, χ во всех случаях = ḃ, f, h. Но вся эта схема основана лишь на этимологиях, а как раз качество этих толкований внушает большие сомнения. Являясь главным образом корневыми этимологиями, навеянными созвучием с болг., греч., немецк., кельт. и т.п. словами, они носят либо необязательный характер, либо просто ошибочны.

5. Оглушение и.е. mediae также аргументируется ущербными этимологиями, авторы которых к тому же по существу не учитывают столь частую особенно в инлауте вариативность M : T во фрак.; ср. также колебание σ : ζ. А наиболее надежное сближение: ЛИ с Δια- и под. < и.е. *diw°- уже прямо говорит против гипотезы об оглушении и.е. *b, d, g. Наглядным опровержением схемы ортодоксальных фракологов служит ЛИ Διασ-κενθος, где -κενθος, по Георгиеву, (идея Сольмсена) < *khentho- < и.е. *kento-, т.е. *d > d, а не t, тогда как *t > th! Если вообще признавать гипотезу Сольмсена правдоподобной, единственным объяснением -θ- в κενθος будет толкование его как ḃ. Большинство засвидетельствованных вариантов этой лексемы имеет, кстати, не θ, а τ, т.е. *-kenḃo- : (<) *-kento- < и.е. *kento-.

ИЗ ОБЛАСТИ БАЛКАНСКО-МАЛОАЗИЙСКИХ ОНОМАСТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

В.Н.Топоров (Москва)

В отличие от довольно хорошо исследованных соответствий в топонимии между этими двумя ареалами (А. Fick, Р. Kretschmer, J. В. Haley, С. W. Blegen, Л. А. Гиндин, Ю. В. Откуликов и др.) ономастические связи изучены несравненно хуже и нуждаются

в специальных исследованиях. Из всего многообразия ономастических связей здесь избрана только одна тема, поскольку она связывает не только два ареала, но и конкретнее два этноязыковых комплекса (хеттский и фракийский). Хотя в пределах II-го тыс. до н.э. они современны, приводимые ниже факты разведены, как правило, примерно целым тысячелетием между их фиксацией у хеттов и фракийцев. Хеттские данные приводятся по кн.: E.Laroche. Les noms des hittites. Paris, 1966 (L.); фракийские - по кн.: D.Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957 (D.). Ср. также элементы хеттского имени-слова, имеющие фракийские параллели, как: Arara (L. 37) - фрак. Ἀραρος (D. 21); Ariya (L. 38) - фрак. Ἀρία (D. 24); Arna (L. 41, ср. ON Arna в тексте греч.-арам.-ликийск. надписи, декрет Пиксодача-Лигесера) - фрак. Ἀρνη (D. 25); Arta (L. 42) - фрак. -αρτας, -arta (D. 27); Artaya (L. 42) - фрак. Ἀρταίων τεῖχος (D. 28); Atta (L. 47) - фрак. Attia, Attius, Ἀττις (D. 34); Immara(ziti) (L. 78) - фрак. Ἰμμάραδος (D. 216-217; в обоих случаях, м.б. из *Ismar-; возможно и иное объяснение, связанное с лик. N. pr. Hē(p)-ruma, на основе которого реконструируется лув. *Immara-muwa, откуда *Imra-muwa > *Imbro-moas > греч. Ἰμβρομος, см. E.Laroche. Les épitaphes lyciennes. - In: Fouilles de Xanthos, t. V, p. 127); Masturi (L. 116) - фрак. Μασταρος (D. 290); Ninna, Nini, Ninu (L. 129-130) - фрак. Nin(n)a (D. 331); Pappa (L. 136) - фрак. Παπας (D. 355-356); Pemasa (L. 143) - фрак. Pimas(enses) (D. 369); Pittaliya (L. 147) - фрак. Πιτταλος (D. 371); Sariya (L. 158) - фрак. -σαριος (D. 424); Sarpa (L. 159, имя домоправителя) - фрак. σαρπος (D. 425, о доме, помещении, ср. σάρπος κίβωτους. Βιθυνοὶ δὲ ξυλίνους οἰκίας Hes.); Sipra(ziti) (L. 163) - фрак. Sipa, Sippia (D. 447); Sipti(kuni) (L. 163) - фрак. Σίπτη (D. 448); Tarhun- (L. 177-178) - фрак. Торкους, Торкос (D. 513-514, ср. также Τάρχων, Τάρων, Ταρκύνιος, Tarquinius, Tarquius, Tarcius, Tarquenna, этр. Tarxna, Tarxi, -u и т.п.) и др. Сходство этих элементов включается в целый ряд других свидетельств о контактах хеттов и фракийцев, по крайней мере, в эпоху Троянской войны. В целом же вся проблема еще ждет своего решения.

К ИСТОРИИ ДИОНИСИЙСКОГО КОМПЛЕКСА

В.Н.Топоров

Емкость мифопоэтических и ритуальных схем, связанных с Дионисом, имеет соответствие в особенностях истории этого образа, уходящей во времени по обе стороны от его др.-греч. стадии (до и после) и в наличии ряда глубинных (в частности и прежде всего, психоаналитических) интерпретаций. "Внедионисийская" история этого образа и анализ "чистых" схем, связанных с ним, имеют значение и сами по себе. Вместе с тем с их помощью нередко освещаются некоторые специфические чер-

ты греч. божества, не всегда объяснимые из наличного материала "открытой" греч. традиции. Древняя цивилизация Балкан (6500-3500 до н.э., Сескло, Винча, Караново, Гумельница, Кукутени, Лендзел и др.) оформили целый ряд важных религиозных и мифопоэтических идей, без которых трудно понять многие концепции и образы более позднего времени. В частности, именно здесь складываются основы мотивной связи между Великой Богиней и мужским образом годового бога с подчеркнутым фаллизмом. При этом именно с мужским божеством начинают связываться наиболее интенсивные и далекоидущие идеи преобразования. Более того, вокруг него складываются самые продвинутые формы ритуала драматизованного характера, и некогда разединенные образы (змея, бык, козел, рога, фаллос, вода) обнаруживают тенденцию к объединению в общую мифологическую схему. Уже предпринимались попытки (М.Гимбутас и др.) вывести образ Диониса из древнебалк. годового бога. Однако не обращалось должного внимания на то, что греч. Дионис снабжен целым рядом атрибутов, которые, видимо, не были свойственны его предшественнику (хотя могли и присутствовать в древнебалканской символике неолита), и наоборот. То же, кажется, можно сказать и о ряде мотивов. Иногда лишь реконструкция позволяет предположительно очертить круг новых возможностей. Такова сквозная тема грибов (ср., с одной стороны, грибообразные и фаллообразные объекты из Винчи и Бутмира - 5000-3500 до н.э. - и, с другой стороны, образ грибов в сюжете иерогамии в греч. вазописи, грибообразное навершие тирса Диониса, мотивные связи грибов со змеей и молнией, и "грибную" этимологию Микен - $\mu\acute{o}\kappa\eta\varsigma$ и т.п.), из которой как минимум вытекают два правдоподобных вывода о связи "Прото-Диониса" с галлюциногенными веществами экстатического действия (в этом смысле грибы предшествуют виноградной лозе как атрибуту Диониса, что соответствует и историческим реалиям появления виноградарства и вина на Балканах не ранее периода бронзы) и о вхождении этого образа в сюжет "основного" мифа. Оба эти вывода в известной степени предвосхищают связь Диониса с Деметрой и Персефой и объясняют его роль в элевсинских мистериях (ср. их тайную "грибную" доминанту, вскрытую в последних исследованиях), в частности, и его "поэтическую" функцию. В этом контексте уместно обратить внимание и на далекий отзвук "дионисийской" темы в позднем славянском фольклоре (в частности, и в карпатской зоне). Речь идет о вост.-слав. песнях (игрищных и обрядовых) и былинах о Дунае, в которых актуализируются те же образы, что и в связи с Дионисом: тур, олень, рога, птица (орел, сокол), вода, море, корабль зооморфного типа и т.п., при том, что они включаются в тему брака-свадьбы и жизни-смерти. Характерно, что соответствующие песни входят в свадебный и новогодний циклы; особый их жанр называется "виноградье", что отсылает к теме виноградной лозы, неразрывно связанной с Дионисом (ср. связь Диониса с дифирамбом). Особое значение

принадлежит общей теме корабля в дионисийском мифе и в русских текстах типа "Сокол-корабль" - тем более, что она имеет отношение и к мифологеме жизнь-смерть, и к материальной основе театрализованного действия (корабль как сцена < место эпифании). Наконец, психоаналитические исследования таких мотивов, как Дионис - дитя (ср. своеобразное "двойничество" Диониса: отец и сын, старший и младший, смерть и жизнь и т.п.), Дионис и влага (и особенно море), Дионис и женское божество и др. (ср. Юнг, Кереньи, также Отто и др.), в одних случаях проясняют некоторые функции Диониса и его символику, а в других, возможно, помогают осветить отдельные мотивы, связанные с иным кругом образов (ср. мифопоэтическую идентичность матери и дочери [ср. фигурки женщин-двойников в трипольской культуре и т.п.] в свете совмещения в Дионисе отцовского и сыновнего начал или дионисийско-растительные комбинации в связи с отзвуком космогонических идей).

ОСТРОВ ЛЕМНОС В МИФАХ И ТРАДИЦИЯХ

А.В.Урушадзе (Тбилиси)

1. Остров Лемнос (Λῆμνος - Αἰθαλία - Ὑψιπέλεια) один из примечательных пунктов в аспекте истории догреческого населения Эгейды. В греческих источниках он теснейшим образом связывается с богом огня и кузнечного искусства Гефестом и сказанием о походе аргонавтов.

2. На основании данных греческих литературных и исторических памятников (преимущественно Гомера, Аристофана, Ликофона и Аполлония Родосского) устанавливается, что древнейшими обитателями острова Лемноса были т.н. синтийцы. Гомер называет их Σίντιες ἄνδρες, которые, по преданию, приняли к себе древнейшего бога Гефеста, низвергнутого Зевсом с неба (Илиада, I, 594). По словам Гомера, синтийцы говорили на "диком языке" - σίντιες ἀγρίοφωνοι (Одиссея, VIII, 294). Едва ли случайно, согласно традиции, островом правил сын предводителя аргонавтов Ясона и Гипсипилы Эвней (Илиада VII, 467-469). Внимание привлекает также предание о том, что позднейшие жители Лемноса минийцы (Μινύαι) произошли от аргонавтов.

3. Мифологические и другие данные предоставляют возможность искать следы древнейшего племени синтийцев в догреческом населении Эгейды, а также дают основание для предположения об этногенетической связи их с металлургическими племенами Малой Азии.

4. Теснейшая связь Лемноса с сказанием об аргонавтах и западным объединением древнекартвельских племен Колхидой рельефно отражается в греческих литературных традициях и прежде всего в драматургии.

О МИФОПОЭТИЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БОТАНИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ НА БАЛКАНАХ

Т.В.Цивьян (Москва)

Балканский (и шире - карпато-балканский) языковой и этнокультурный континуум строится на динамическом соотношении сходств и различий, в конечном счете носящих системный характер. Для собственно языкового уровня (БЯС) соответствующие явления представлены как единая структура, получающая разное воплощение в разных языках. Сопоставления в области балканского фольклора и мифологии пока остаются скорее регистрацией схождений с указанием местных различий. Между тем представляется возможным выявление своего рода "мифопоэтических балканизмов", подводящих к описанию балк. модели мира.

Здесь использованы материалы балканского ботанического словаря; в качестве примера выбрана одна лексема с богатой мифопоэтической нагрузкой: базилик, *osimum basilicum* (н.-греч. *βασίλιμβς*, болг., мак. босилек, рум. *busuioc*, алб. *bozilok* и др.). Стержнем описания является путь термина-растения: его родина, появление на Балканах, движение от Средиземного моря к Карпатам и далее. При этом прежде всего учитываются языковые характеристики; устанавливается дистрибуция термина по фольклорным жанрам, с максимальным набором контекстов, сопоставляемых далее с описанием обрядов, поверий, магической практики. В основе описания - анализ динамических отношений между денотатом (растение как таковое) и десигнатом (название-термин), возникающих в результате изменения исходного локуса, т.е. географической, этнокультурной, лингвистической среды. Под давлением этих факторов варьируются денотат и десигнат, а их взаимные отношения в плане выражения почти опровергаются: базиликом называются другие виды растений; *osimum basilicum* называется другими именами. Если собственно языковой материал показывает эволюцию термина в разных языковых сферах, то взаимные изменения денотата и десигната свидетельствуют об эволюции общебалканского состояния. Оказывается при этом, что указанные процессы не только не затрагивают основного мифологического ядра, но напротив дают основания для реконструкции, в том числе лингвистической, определенной мифологемы. Фольклорное досье базилика позволяет выделить набор семиотических оппозиций, приложимый вообще к балканскому мифологическому гербарии. Основной признак, по которому базилик не просто мифологизируется, но занимает одно из ведущих мест - его запах (аромат). Оппозиция пахнущий (благоуханный) / непахнущий, что показано недавно, в балканской модели мира имеет ключевое значение. Рассмотренные в ее плане как вообще античная лирика (С.Лилья), так и специально мифология Адониса, Диониса-Загрея (М.Детъен), отчасти элевсинский цикл (К.Рак) позволяют видеть в ней кодирование универсальной оппозиции плодородие/стерильность (природы и человека; богатые потенции, заложенные в Адонисе и оказыва-

ициеся нереализованными, бесплодными, олицетворены в противопоставлении благовоний мирры и непахнущего, связанного со смертью салата, ср. н.-греч. песню, где девушка, прогоняя неудачливого претендента, окружает себя душистыми растениями и прежде всего базиликом, ему же предлагает салат). Не менее показательны другие признаки базилика - связь с солнцем, долгое цветение, характерная форма листьев ("кудрявый", ср. кудрявость как признак божества, связанного с плодородием; растение "царские кудри", клише "благовонные кудри" и т.п.), характерная форма метелки (ср. тирс), употребление как оберега от змей и т.п., но прежде всего - его роль в любовных отношениях (ухаживание, приводящее к вступлению в брак), вплоть до олицетворения: юнша (девушка) - душистый базилик (ср. базилик в сюжете растения на могиле несчастных влюбленных). Эти и другие данные дают, с одной стороны, выход к кругу мотивов, связанных с сезонным циклом плодородия (ср. обряды, приуроченные к Новому году, т.е. ко дню св. Василия, болг. василичары, рум. vasilca и т.д.), а с другой стороны - к растительному коду фрагмента основного мифа, связанного с младшим сыном Громовержца (метаморфоза: юнша высокого - царского - происхождения, в расцвете сил погибает и возрождается в иной ипостаси, означающей особую степень благополучия, плодородия и т.п.).

ГОМ. Πείρωσ ~ ФРАК. *Нρωσ ~ ХЕТТ. Pirušaš

Е.Л.Цымбурский (Москва)

В "Илиаде" фракийцы изображены в числе союзников Трои, представлявшей, по современным данным, органическую часть северо-балканского этнокультурного и языкового ареала. В "Троянский каталог" включены вожди Акамант и Пейрос (Il. II, 844 - Ἀκάμαντ καὶ Πείρωσ ἦρωσ), за которыми следуют все фракийцы, живущие вблизи Геллеспонта. В конце IV песни Пейрос огромным острым камнем (χερσαδὲρ ὄκρυβεντι) поражает врага и сразу гибнет сам (Il. IV, 517-538), как увидим ниже, момент не случайный.

Имя Пейроса (Πείρωσ, вар. Πείρωσ) не имеет надежной этимологии и по форме кажется плохо адаптированным заимствованием (ожидался бы ген. Πείρωσ, ср. Eust. ad Il. II, 844. Πείρωσ ὡс Μίνωσ, но имеем - Il. XX, 484 - Πείρωσ υἱὸν, с различением - Πείρωσ). Ср., однако, параллели в древнебалканской ономастике - имя героини Πηρω, вар. Πηρω (по Свиде - форма женского рода от Πείρωσ) и варианты имени героя Πείρωс, Πείρωσθос, Πηρωσ (Ard. 2, I, 3; Paus. 8, 18, 2 и др.), известного в Фессалии и в Аргосе, а также в Коринфе, где его имя связано с названием источника Πηρωήνη на вершине обрывистой горы Акрокоринф (место украшения Пегаса Беллерофонтом - Str. VIII, 6, 20). Этот ряд находит продолжение во фрак. Πέρυνθос, вар. Πέρυνθос < *Peruntos, Фбрунна < *Peruna, родственных

хетт. *peruna*, вар. *pirwa* "скала", *Pirwa*, вар. *Peru(n)ta* (Goetze, Language, I2, 1954) - "имя конного бога", др.-инд. *pārvata* < **perunta* "гора" и т.д., включая имя балто-славянского бога грозы **Per(k)unos* и привлеченные Л.А.Гиндиным вотивы великому фракийскому богу Херосу - Ἡρῶ Πέρκωι и Ἡρῶ Πέρκωι.

При доказанном В.Н.Топоровым и Л.А.Гиндиным культурно-историческом тождестве Хероса хеттскому Пирве, сближение самих имен затруднялось необычным соответствием хетт. *p* = фрак. *h*. По ряду соображений, мы допускаем для фракийской формы раннекельтское влияние: 1/ в обиходное представление переход *p* > *h* (ср. *Hercynia silva* при д.-в.-н. *Firgunnea*, гот. *fairguni* "гора"); 2/ хорошо прослеживается влияние связываемой с пракельтами культуры урновых полей на придунайские культуры, а также прямое кельтское влияние в иллирийском ареале, где широко почитался Херос; 3/ у кельтов известен близкий Херосу и Пирве образ бога - всадника на каменной колонне, он складывался в традициях деревянной скульптуры и колонна, как предполагается, представляет ствол священного дерева -(Т.Г.Е.Powell); 4/ засвидетельствованы изображения Хероса в паре с кельтской Эпоной (Kazarov, Denkmaler, NN 301, 399), ср. *Plut. Amat. narrat.* 25 (о жене Юлия Сабина): ἦν ἐκεῖ μὲν Ἐμπωνὴν ἐκάλουον, Ἑλληνιστὶ δ' ἂν τις Ἡρωῖδα προσαγορεύσειεν "которую там называли Э(м)пона (Tac. Hist., IV, 67 - *Erponina*), а по-гречески можно было бы назвать Героидой".

Видя в теониме Ἡρῶ форму, фонетически преобразованную под кельтским (или кельто-иллирийским) влиянием, мы хотели бы отметить точное и эксклюзивное соответствие хетт. *Pirwaš* - гот. *Πείρωс* (< **ΠέρФос*); при этом образ метателя камней Пейроса идеально опосредует связь между понятиями "камень" и "разящего божественного героя". Нашу этимологию подтверждает проникшее в греческий гораздо раньше и полностью адаптированное по типу *o*-основ название реки в Ахαιе Πείρος (*Str.*, VIII, 7, 4), вар. Πίερος, Πῖρος (*Paus.* VII, 22, 1, *Et. Magn.*) - позднейшая Каменица (*Vasmer, Slaven*). Если учесть, что в гомеровских "каталогах" только имя Пейроса сопровождается эпитетом ἦρως, есть веские основания видеть в словосочетании Πείρωс ἦρως точную аналогию фрак. **Ἡρως Πέρκωι* и **Ἡρως Πέρκωι*.

На истоки этого образа проливает свет и патронимик Пейроса - Ἰμβρασίδης. Имя отца Пейроса восстанавливается в форме Ἰμβρασος (или Ἰμβράσιος), восходящей, по Л.А.Гиндину, к лув. *imbara* "поле" и тождественной имени Ἰμβρασος (вар. Ἰμβρασος), под которым в Карию почитался Гермес (*Pape-Benseler*; ср. хетт. *Immarni*, лув. *DINGIR MES. Imrašši* - имена полевых божеств, сюда же многочисленные антропонимы). Факт образования от этой основы патронимика при имени великого фракийского вождя, возможно, проливает свет на загадочное сообщение Геродота о "фракийских царях" (V, 7):

πάρεξ τῶν ἄλλων πολιητέων σέβονται Ἑρμῆν μάλι-
στα τῶν ἄλλων θεῶν καὶ ὀμνύουσι μόνον τοῦτον καὶ
λέγουσι γεγόνεαι ἀπὸ Ἑρμῆος ἐπιτοῦς

"отдельно от других граждан почитают Гермеса больше других
богов и клянутся только им и говорят про себя, что происходят
от Гермеса" [к возможности малоазийского происхождения этого
культа ср. фракийскую эпиклезу Зевса и Геры *Καριστορηνοῖ*
"происходящие из Карии" (Detschew) при том, что в Карии рас-
пространенный эпитет Геры был *Ἰμβρασια* - *Pape-Benseler*]. С
другой стороны, структура имени *Πεῖρος* *Ἰμβρασιίδης*
идентична обозначению бога грозы в лувийском ритуале KUB 54,
II, 35 - 37 (Laróche, Dict.): *ata imrašša* - *IM-unti pari ta-*
raçitta; ata piyatta immarašša - (n)-*IM-ti* "он это перед По-
левым Богом Грозы раскрашил; это он дал Полевому Богу Грозы".

Функцию Пейроса Имбрасида как защитника Илиона проясняет
топоним *Πεῖρος* *σοβ* в Троаде - название гористой местности, где
традиционно совершалась охота лидийских царей (Str. XIII, 1,
17). Это название возводится к **Perçassa* что-то вроде "го-
ристая местность, resp. местность, посвященная богу Пирве
(Пейросу)". Учитывая, что эта местность прилегала к Зелее,
одному из главных в данном регионе культовых центров Аполло-
на, целесообразно сравнить клятву из договора Муватталиса с
правителем Вилусы Алаксандусом, где среди богов страны Вил-
луса, на первом месте, рядом с предполагаемым богом *Appali-*
una, назван *U KI.KAL.BAD* "Грозовой Бог Военного Стана".

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ В СЕРЕДИНЕ IV В.
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГОТСКОЙ ОРФОГРАФИИ (ГОТ.g = [j])

А.Б.Черняк (Ленинград)

Хотя происхождение некоторых знаков готского алфавита до
сих пор остается загадочным и мы все еще не располагаем ком-
петентным палеографическим исследованием обеих рук готских ру-
кописей (см.: Marchand J.W. The sounds and phonemes of Wulfila's Gothic. 1973, p.16, n.20), зависимость ζ = [j] от лат.g
почти не вызывает сомнения, так как это объяснение, помимо
прочих соображений, опирается на авторитет так называемой Ал-
куиновой рукописи IX в., в свою очередь продолжающей какую-то,
может быть, очень древнюю традицию, а другие решения (руна
или греч. ε) выглядят гораздо менее убедительными.

Согласно общепринятому мнению, лат.g могло быть использовано
в функции [j] только потому, что в романском, то есть в
народной речи, звонкий заднеязычный уже перешел к тому време-
ни в [j] перед [e], [i]. Но по современным данным этот пере-
ход имел место лишь на юге Италии и в гасконских говорах (см.
Lausberg, § 324). Вульфила, стало быть, не мог исходить из
балканороманского, где [g] + [e], [i] > [dz], ср. лат. gener, -i
"зять": исп. yerno, итал. (тоск.) género, франц. gendre, рум. gi-
nere (с [ž] из первоначального [dž]). Поэтому следует посту-
лировать посредничество греческого, в котором аналогичная

Йотизация засвидетельствована уже на рубеже н.э. и к IV в. безусловно была общераспространенной, то есть по всей вероятности готский епископ произносил *ge*, название латинской буквы *g*, по-гречески.

Как свидетельствует его ученик Ауксентий, Вульфилла был автором не только греческих, но и латинских богословских трактатов (и те, и другие не сохранились); таким образом, он должен был хорошо владеть латынью. Противоречие снимается, если предположить, что Вульфилла основательно изучил латинский язык уже после создания готского алфавита, то есть, скорее всего, в Константинополе, непосредственно перед рукоположением в сан (около 341 г.): у себя на родине он мог приобрести, по-видимому, лишь самые поверхностные сведения. Будущий готский епископ помимо готского знал греческий, усвоенный им скорее всего от родителей, потомков уведенных в свое время в плен каппадокийцев, а также, возможно, и балканороманский, язык многочисленного романского населения, жившего на нижнем Дунае. С латынью, государственным языком Империи, до поездки в Константинополь ему приходилось сталкиваться крайне редко. Следует учесть, что и на Западе к тому времени уже установилась диглоссия и собственно латинский язык перешел на положение кафаревусы, то есть языка литературы, управления и образованного общества, постепенно все более и более поглощавшегося народной средой. Поэтому не вызывает удивления присутствие фонетического грецизма в латыни молодого Вульфиллы или его непосредственного балканского окружения, в котором греческие миссионеры несомненно играли видную роль.

О ТРЕХ ГРУППАХ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ У ПАВСАНИЯ

Г.П.Чистяков (Москва)

Тексты Павсания, содержащие описания маршрутов, городов и отдельных объектов (так называемых экскурсов мы здесь вообще не касаемся), целесообразно разделить на три группы. Первую составляют места, заимствованные из топографических источников, периодов и периплов, предназначенные для практических целей; вторую - тексты, восходящие к перизигетам и парадоксографам эллинистической эпохи; и наконец, третью - материалы, почерпнутые Павсанием из его собственных путешествий. Поскольку Павсаний ни разу не упоминает по имени писателей III-II вв. до н.э., труды которых были близки по содержанию к "Описанию Эллады" (прежде всего Птолема), и учитывая то, что его сочинение состоит из плохо стыкующихся друг с другом элементов, У.Виламовиц и А.Калькман заключили, что основное место здесь занимают выписки из этих авторов, которые только иногда перемежаются отдельными воспоминаниями автора. К.Робертсону эта теория не была ни поддержана, ни опровергнута. Дж.Дж.Фрейзер, М.Кэрролл, А.Тренделенбург, Ж.До, Ж.Ру и др. высказались за "аутопсию" Павсания, однако в сущности их исследования говорят только о том, что сведения, собранные

Павсанием, соответствуют действительности, но не доказывают того, что автор "Описания Эллады" писал по собственным наблюдениям. Вместе с тем для полноценного использования этих сведений необходимо знать, к какой из трех групп относится каждое используемое сообщение, ибо прежде всего именно с этим связано его датирование. В текстах первой группы говорится о характере дороги (ровная, идет в гору, становится крутой и т.д.), оговаривается, какова возможность провоза грузов (например, II, 11, 3), часто даются две дороги (краткая, но плохая и более удобная, но длинная - см. II, 15, 2; VIII, 6, 4; X, 35, 8), указываются расстояния между пунктами в стадиях, колодцы и источники с питьевой водой и т.д. Эти места довольно сильно отличаются от остального текста по языку, а потому легко выделяются из него. Павсаний перенес их в свое сочинение в готовом виде, поскольку здесь сообщаются факты, которые не мог собрать он сам. Значительно сложнее обстоит дело с текстами второй и третьей групп, которые зачастую не отличимы одни от других. Единственным критерием для вычленения путевых заметок Павсания являются ремарки "при мне", "в мое время" ($\tau\alpha \acute{\epsilon}\pi' \acute{\epsilon}\mu\omicron\upsilon$), "я видел" ($\acute{\epsilon}\beta\rho\alpha\mu\alpha$) и т.п. Но иногда такие ремарки встречаются и в текстах, содержащих прямые цитаты из его предшественников. Так, рассказывая о похищ рыбах в реке Ароании (VIII, 21, 2), Павсаний замечает, что сам видел этих рыб пойманными и простоял у реки до самого захода солнца, чтобы услышать издаваемые ими звуки. Мы, бесспорно, сочли бы весь этот рассказ оригинальным, если бы из Афиня (VIII, 331d) не было известно соответствующее место Филостефана (III в. до н.э.): первая половина рассказа Павсания - это довольно точная цитата, но слившаяся с оригинальным текстом, так как к ней прибавлена дневниковая запись. Вызвать такую цитату, если нет (что и бывает чаще всего!) параллельной у какого-либо другого автора, невозможно. Однако основной для того, чтобы принять выводы А.Калькмана, это не дает. Дело в том, что Павсаний постоянно упоминает об изменениях, имевших место в тех или иных пунктах в I - II вв. н.э., то есть уже после того как появились его основные письменные источники. Именно это обстоятельство, а совсем не то, что сведения Павсания подтверждаются археологическими находками, свидетельствует о присутствии в "Описании Эллады" материала, собранного автором во время путешествий.

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОНЕТ С НАДПИСЬЮ ΣΙΝΔΩΝ

Ф.В. Шелов-Коведяев (Москва)

В последнее время все острее ощущается необходимость сравнительного изучения типологически близких раннеклассовых обществ. В связи с этим своевременно вновь поставить вопрос о синдских монетах. Довольно долго они считались основным аргументом в пользу существования государственности у восточно-черноморского племени синдов уже в V в. до н.э.

Недавно против такой их интерпретации решительно выступил Д.Б.Шелов. Он основывает свою точку зрения на том, что эти монеты имеют чисто греческие стилистические и фактурные особенности и обрабатывались в эллинических полисах Северо-Восточного Причерноморья.

Между тем, все это можно объяснить тем, что они, как и подобные им монеты варварских династов, чеканились для синдвов в одном из греческих городов и использовались в торговых операциях с полисами. В пользу отнесения этих монет к варварскому народу синдвов говорят и чисто лингвистические моменты оформления их легенды.

ФРАКО-ДАКИЙСКАЯ И ИЛЛИРИЙСКАЯ ТОПОНИМИКА ЕВРОПЕЙСКОЙ САРМАТИИ И СКИФИИ

В.П.Яйленко (Москва)

Топонимика Сарматии подробно описана Плинием и Птолемеем. Названия, локализуемые у среднего течения Днепра, Ἀμαδδνα, Ἀμαδοκοι (г., озеро, горы, племя) имеют соответствием фрак. ЛИ Ἀμαδδνός. Г. Σάρων - ср.фрако-дак.*sara- "течение, река", название города образовано от предполагаемого гидронима. Г. Σάρβακον - ср.фрак.гlossу Гесихия σάρκους Βίθυνοι ξυλίνους οἰκίας, то есть это город "с деревянными домами". Названия в низовьях Днепра. Ρ. Ἀξιάνης (Тилигул или Б.Куяльник), γ. Ὀρθησσός (Ὀδησσός) при ней и этнонимы Αχίασαι, Σροβυζι имеют соответствия в Дакии: ρ. Ὀρθησσός, племя Κρόβυζοι, в земле которых расположен г. Ὀδησσός, ср.также гидронимы "Ἀξιός, Ἀξι-опа в Иллирии и Фракии. Залив Σάγγαρος - ср.фрак.гидроним Σαγγάριος, ΜΗ Σάγγαρος. К этнониму Ἀρπιοι, γ. Ἀρπις ср.иллир.г. Arpi (к дублетной альтерации Na-/A- в иллир. ср. Histria - Istria). Это девокализированный вариант фрако-дак. и иллир. основы Arb-, представленной в ΜΗ Ἀρβινάται (в районе Нижнего Побужья) Ταμυράκη (г., мыс, залив) - ср.иллир.ороним *Τάμυρον. Ρ. Κερκινίτης (Καρκ-) - из иллир.*kerka- (в ΜΗ Κερκίνη), к и.-е.*perk "а" - "дуб". Г. Τράνανα на ней - связано с основой thrac- "фрак(ийский)" + суф. -ανα. Th балканских фрак.названий утрачивает аспирацию в их северопричерноморских соответствиях (ср. Ταζός в Тавриде при θασός у Геллеспонта, Τυράμβη на Меотиде при Θεράμβως, Θράμβος на Балканах); и.-е. t > th и t в фрако-дакийском, различавшиеся на диалектном уровне. Геродотово название той же реки Керкинит Ὑπάκιρις можно вывести из фрако-дак.*ура- "вода, река" (в гидрониме Ἀξι-опа, ΜΗ *Scen-ура)+κ(ο)υρ "красный" (в диоскоридовом названии растения κ(ο)υρ-ιοννηκούμ). Γέρρος, Γέρροι (ρ., ΜΗ, население) - ср.основу ger(r)i фрак. и иллир.этнонимов Bette-gerri, Di-gerri, Gerrae, восходящую, как полагают, к и.-е.*gher- "гора, холм". Приведенные названия оставлены стабильно проживавшим на этой территории на протяжении античного периода фрако-дак. и иллирийским населением.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С.Б.Бернштейн. Проблема славянизации Балкан и вопросы диалектного членения древнеболгарского языка	4
М.В.Бибиков. Народы карпато-дунайского региона в византийских текстах IX-XII вв.	4
В.А.Воробьев. Индоевропейское и неиндоевропейское в греческой медицинской терминологии	6
Л.Г.Герценберг. Об этимологии арм. Astwac	8
Л.А.Гиндин. К генезису языка древних македонцев	8
Л.А.Гиндин. К древнебалкано-балтийским языковым отношениям	9
Р.В.Гордезиани. Древнейшие балкано-картвельские языковые параллели	10
Г.Б.Джаукян. Фракийцы в Армении	11
Ф.Е.Лоева. К этимологии др.-греч. κρήνη	12
Вяч.Вс.Иванов. К проблеме языковой принадлежности носителей культур линейно-ленточной керамики и лендельской культуры Центральной Европы V-IV тыс. до н.э.	13
С.А.Иванов. Прокопий о славянском "образе жизни"	14
О.В.Иванова. К вопросу о славянизации центральной и южной частей Балканского полуострова	15
В.П.Казанскене. К этимологии др.-греч. βρέχω	16
Н.Н.Казанский. Троянское письмо. К постановке вопроса	18
И.А.Калужская. Об одном названии винограда в балканских языках	19
Г.П.Клепикова. Проблема "карпатской миграции славян" в свете новых данных лингвистической географии	20
А.А.Королев. Социальные и лингвистические аспекты раннего кельтского общества	21
Е.Е.Кузьмина. Миграции в Евразийских степях и Подунавье в свете некоторых археолого-этнографических данных	22
Л.В.Куркина. Паннония как один из центров славянских миграций	23
И.А.Левинская. К вопросу о фракийском происхождении культа θεός ὕψιστος	25
Л.А.Лелеков. Начальные и вторичные очаги индоевропейских миграций. Данные источников и гипотезы.	26
А.А.Молчанов. Элементы доиндоевропейского языкового субстрата на юге Балкан (миноийский и "эгейский")	27
Е.П.Наумов. Менандр о вторжениях "варваров" во второй половине VI в.	28
С.Л.Николеев. "Кавказские" элементы палеобалканского субстрата	29
	55

В.Э.Орел. Балканские этимологии. 29-31	31
Ю.В.Откупщиков. Фракийцы, фригийцы и карийцы в доисторической Элладе	32
А.В.Подосинов. Центрально-азиатский фольклор на Балканах? (К интерпретации Ovid. Metam. XV, 356-360).	34
Д.С.Раевский. Эллинское искусство на службе скифского и фракийского общества	36
Т.Н.Свешникова. Об одном типе народного ка- лендаря: "волчьи дни" у румын	37
Т.Ф.Семенова. Румынское посредство в распростра- нении торкизмов на карпато-балканской территории	39
В.М.Сергеев. Структурно-статистический анализ кипро-минойского текста из Энкоми	40
С.Р.Тохтасьев. О передвижении согласных во фра- кийском языке	42
В.Н.Топоров. Из области балканско-малоазийских ономастических соответствий	43
В.Н.Топоров. К истории дионисийского комплекса	44
А.В.Урушадзе. Остров Лемнос в мифах и традициях	46
Т.В.Цивьян. О мифопоэтическом использовании бота- нического словаря на Балканах	47
В.Л.Цымбурский. Гом. Πείρωσ ~ фрак. *Πρωσ ~ хетт. Pirçaš	48
А.Б.Черняк. Лингвистическая ситуация на Нижнем Ду- нае в сер. IV в. сквозь призму готской орфографии	50
Г.П.Чистяков. О трех группах топографических тек- стов у Павсания	51
Ф.В.Шелов-Коведяев. Об интерпретации монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ	52
В.П.Яйленко. Фрако-дакийская и иллирийская топо- нимика Европейской Сарматии и Скифии	53
В.П.Яйленко. Из истории проксенической деятель- ности ольвийского полиса	54

Издание осуществлено с оригинала,
подготовленного к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Античная балканистика.
Карпато-балканский регион в диахронии.

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Т.М.Дривинг

Подписано к печати 26.03.84. А-09491.
Объем 3,5 п.л. Тираж 290 экз. Зак. 83.

Офсетное производство типографии №3
издательства "Наука"
Москва К-31, ул.Жданова, 12/1.

31584RU